

✦ ХРОНИКИ СОГЛАСИЯ ✦

БОЛЬШЕ ПРОШЛОГО

Книга первая

NEWMAN ALEX

Алекс Ньюман

Больше Прошлого

<https://litres.ru/74413469>

SelfPub; 2026

Аннотация

Витторио приходит в себя посреди леса за секунду до того, как ветка, способная его убить, падает точно туда, где лежала его голова. Он не помнит ничего — ни имени, ни лица, ни того, откуда взялась способность знать будущее на несколько шагов вперёд. Единственное, что осталось: тело, которое помнит больше, чем разум.

Генерал Мэд Серафин Тейл бежит от прошлого другого рода — от брака, ставшего золотой клеткой, и от системы, которая привыкла решать за неё. Их пути пересекутся на борту корабля, где у каждого — чужая тайна и всё меньше уверенности, какая часть памяти действительно своя.

Кто-то использует технологию, способную стирать и переписывать личность, как оружие. Вопрос, который встаёт перед героями задолго до финала: где заканчивается спасение и начинается ещё одна форма власти над чужой волей.

Книга 1 трилогии «Хроники согласия» (далее — «Больше власти» и «Больше времени»). Космоопера о доверии, свободе выбора и праве не принадлежать никому — даже собственному прошлому.

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ	6
Глава 1. Пыль и бабочка	8
Глава 2. Узел «Орфей»	17
Глава 3. Следствие без преступления	30
Глава 4. Синхронизация	43
Глава 5. Система без имени	69
Глава 6. Дорога, которой нет	95
Глава 7. Тень на дороге	115
Глава 8. Море без берегов	136
Глава 9. Город прилива	151
Глава 10. Там, где дует ветер	164
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Алекс Ньюман

Больше Прошлого

Иллюстрация: Эва Ньюман

ХРОНИКИ СОГЛАСИЯ БОЛЬШЕ ПРОШЛОГО

Книга первая серии «Хроники согласия»

Newman Alex

© Newman Alex, 2026

Все права защищены.

Данное произведение является художественным вымыслом. Все имена, персонажи, места действия и события, опи-

санные в этой книге, либо являются плодом воображения автора, либо использованы вымышленно. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, событиями или местами носит случайный характер.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения правообладателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1. Пыль и бабочка
- Глава 2. Узел «Орфей»
- Глава 3. Следствие без преступления
- Глава 4. Синхронизация
- Глава 5. Система без имени
- Глава 6. Дорога, которой нет
- Глава 7. Тень на дороге
- Глава 8. Море без берегов
- Глава 9. Город прилива
- Глава 10. Там, где дует ветер
- Глава 11. Последний ветер
- Глава 12. Дом после ветра
- Глава 13. Сад без солнца
- Глава 14. Память, которой не было
- Глава 15. Станция равновесия
- Глава 16. Контур доверия
- Глава 17. Там, где гаснут маяки
- Глава 18. Мир без выхода
- Глава 19. Когда гаснут корабли
- Глава 20. Список тех, кто не вернулся
- Глава 21. Три ключа
- Глава 22. Тот, кого не спасли
- Глава 23. Проект «Акхет Прайм»

- Глава 24. Имя под ключом
- Глава 25. То, что не выбрасывают
- Глава 26. Оракул с сорок первого
- Глава 27. Город чужих решений
- Глава 28. Семь секунд до себя
- Глава 29. Тот, кто пришёл вовремя
- Глава 30. Утро началось с выстрела
- Глава 31. Право проснуться
- Глава 32. Двадцать четыре голоса
- Глава 33. Человек на несуществующем
- Глава 34. Другая сторона часов
- Глава 35. Тот, кто не погиб
- Глава 36. Цена непрерывности

Глава 1. Пыль и бабочка

Витторио проснулся за мгновение до того, как тяжёлая ветвь ударила в землю там, где лежала его голова. Он откатился в траву ещё до треска. Удар выбил из почвы комья земли; листья накрыли плечо. Только тогда Витторио понял, что двигался с закрытыми глазами. Он не знал ни где находится, ни почему жив — ни откуда заранее узнал об опасности.

Он остался лежать, слушая собственное дыхание. Воздух пах влажной землёй, молодой травой и водой на камнях — без сухости фильтров и лекарственного привкуса. Тело узнало этот запах раньше памяти.

— Если это сон, — хрипло произнёс он, всё ещё не открывая глаз, — то у него подозрительно хороший автор.

Голос прозвучал чужим — ниже и старше, чем он ожидал. Юмор пришёл раньше страха; возможно, только поэтому страх не получил права заговорить первым.

Он открыл глаза. Над ним было настоящее небо — не купол и не экран, а облака, птица и солнечный свет. Рядом лежала ветвь толщиной с его руку.

Витторио восстановил последовательность: сначала он откатился, потом услышал треск. Не рефлекс — предупреждение. Тело отреагировало на событие, которое для него ещё не произошло. Он коснулся ветви и тут же отдёргнул руку, словно она могла объяснить невозможное.

Витторио медленно поднял руку. Пальцы дрожали совсем немного, скорее от непривычного ощущения собственного тела, чем от слабости. На ладони белели тонкие шрамы, костяшки были сбиты, возле большого пальца тянулся старый ожог; рука принадлежала человеку, который слишком много работал, слишком часто падал и слишком редко позволял себе отдых. Он

сжал пальцы в кулак, разжал, повторил движение и удовлетворённо кивнул.

— Работает. Значит, списывать пока рано. Хотя гарантию кто-то явно нарушил.

Сесть оказалось труднее. Мир качнулся, в ушах зазвенело. Вокруг были высокая трава, светлый лес и серебро воды между деревьями. Ни дорог, ни зданий, ни людей. На одежде не было имени, на теле — свежих ран, а в памяти — ни одного ответа.

Поднявшись, он сделал несколько шагов и заметил, что автоматически выбирает открытые участки, обходя густую траву, где не видно земли. Привычка возникла раньше мысли: взгляд искал проволоку, нарушение рисунка почвы, едва заметную разницу в оттенках. Он остановился, посмотрел себе под ноги, затем нарочно шагнул прямо в заросли. Ничего не произошло. Он сделал ещё шаг, затем третий, после чего огляделся и совершенно серьёзно произнёс:

— Поздравляю, Витторио. Сегодня ты героически победил поляну.

Шутка была плохой, поэтому он рассмеялся. Рядом росло молодое дерево с серебристой корой. Витторио коснулся ствола, проверяя, не иллюзия ли это. Кора была тёплой и шероховатой; под пальцами двигался сок.

— Извини, — сказал он почти смущённо. — Просто давно никому не доверял.

Ветер качнул ветви, листья зашелестели чуть громче, и Витторио кивнул, будто получил ответ.

— Спасибо за понимание.

Из кустов донёсся шорох. Тело снова среагировало прежде мысли: колени согнулись, дыхание стихло, рука скользнула к пустому поясу. Из травы вышел заяц. Он не испугался и не приблизился — сел возле упавшей ветви и посмотрел на Витторио с

неестественным спокойствием, будто проверял результат.

— Не переживай, — тихо сказал Витторио. — Сегодня я опасен примерно так же, как ты.

Заяц моргнул. За миг до далёкого хлопка его уши повернулись к лесу; звук пришёл позже. Затем зверёк спокойно исчез среди папоротников.

— Вот и правильно. Незнакомцам доверять вредно. Я бы на твоём месте тоже мне не доверял.

Небо вспыхнуло дымом. Металлический визг, кровь на губах, бетонная пыль. Картинка сменилась белой комнатой и выгнутым стеклом. На мониторе шли две линии: одна ожила в тот миг, когда Витторио вдохнул; вторая погасла. «Он

вернулся», — сказал незнакомый голос. После паузы другой спросил: «Тогда кого мы потеряли?» Видение оборвалось.

Снова были лес и солнце. Витторио прижал пальцы к горлу, проверяя пульс. Он не знал, было ли увиденное воспоминанием, предупреждением или чужой смертью, почему-то прикреплённой к его первому вдоху.

Он не стал вытягивать память силой. У ручья Витторио опустил ладонь в воду, но отражение белой комнаты ещё несколько секунд оставалось поверх течения.

Он зачерпнул воду ладонями и сделал несколько глотков.
— Если это загробная жизнь, то проектировщики наконец нашли хорошего инженера.

Поверхность ручья дрогнула, отражение распалось на линии, затем снова собралось в лицо человека, которого он знал всю жизнь и одновременно видел впервые. Седина серебрилась на висках, морщины у глаз стали глубже, скулы заострились; взгляд оставался внимательным, упрямым, немного усталым.

— Ну здравствуй, — сказал он отражению. — Давненько не виделись. Не могу сказать, что скучал.

Он бросил по воде плоский камень. Три отскока. Второй прошёл по поверхности семь раз, и вместе с последним кругом пришли жаркий вечер и женский смех.

— Опять выиграл, — произнёс женский голос из глубины памяти, тёплый и слегка насмешливый.

— Просто у тебя плохие камни.

— Нет, синьор Кроссрод. Просто ты ужасно не любишь проигрывать.

— Неправда.

— Правда.

— Тогда почему я всё ещё играю?

Она ответила не сразу, будто подбирала камень для следующего броска, и наконец сказала, смеясь:

— Потому что тебе нравится, когда рядом есть кто-то, кому можно проиграть.

Воспоминание исчезло прежде, чем он увидел её лицо. Имени не было, но тело узнавало потерю. Что-то мягко коснулось плеча: на куртке сидела маленькая жёлтая бабочка — и память снова открылась.

— Это опять случилось, — сказал тот же голос, теперь ближе, почти весело.

— Что именно?

— На тебя снова села бабочка.

— Потрясающе. Теперь меня официально признали частью экосистемы.

Женщина рассмеялась.

— Ты правда никогда этого не замечал? Они всегда выбирают тебя: бабочки, птицы, иногда даже дети в автобусах.

— Дети-то почему?

Она ответила так спокойно, словно говорила о самой очевидной вещи на свете:

— Потому что дети чувствуют, рядом с кем спокойно.

Он не помнил женщину, но был уверен: рядом с ней когда-то смеялся легко. Бабочка перебралась на палец. Витторио спросил:

— Кто ты?

Он обращался не к бабочке. Она взлетела и растворилась в бликах. Между стволами появился высокий пожилой мужчина с длинной деревянной рейкой на плече. Он шёл открыто, будто человек без памяти посреди леса был ожидаемой частью утра.

— Доброе утро.

Витторио ответил не сразу.

— Доброе... кажется.

Незнакомец улыбнулся — не покровительственно, а с тем спокойствием, которое появляется у людей, давно переставших спешить с выводами.

— Уже неплохо. Значит, чувство времени не потеряно.

Мужчина назвался Элиасом и поставил рейку на землю. Ночной ветер сломал перила мостика через ручей; он нёс замену. Элиас не спросил, кто Витторио и как оказался в лесу. Только уточнил, хочет ли тот есть, а услышав «не знаю», кивнул так, будто получил важный диагноз.

— Если человек перестаёт понимать, голоден ли он, организм давно всё решил за него.

— Вы врач?

— Нет.

— Психолог?

— Боже упаси.

— Тогда откуда такие выводы?

Элиас слегка пожал плечами, без всякой рисовки, как человек, которому не нужно доказывать компетентность.

— Просто долго живу.

Витторио поймал себя на том, что не боится Элиаса, — и именно это насторожило. Обычно он оценивал руки, дистанцию, взгляд и возможное оружие. Элиас заметил проверку, поднял рейку и спросил:

— Поможешь донести?

Витторио взялся за второй конец. Рейка была не тяжёлой, а неудобно длинной; в одиночку она цеплялась бы за ветви. Теперь её назначение стало очевидным.

— Хорошая привычка. Ты сначала понимаешь, что собираешься нести, а уже потом поднимаешь. Большинство людей поступают наоборот.

Они пошли по тропе. Лес редел, открывая всё больше неба. Витторио пытался решить, что опаснее: пустота в памяти или тело, способное помнить будущее.

— Вы знаете, кто я? — спросил он через некоторое время.

— Ты назвался Витторио.

— Я не назывался.

Элиас чуть повернул голову, без удивления, будто ждал именно этого ответа.

— Значит, назовёшься позже.

— И вас это не беспокоит?

— Беспокоит. Но любопытство и право задавать вопрос — не одно и то же.

На вершине холма открылось поселение: камень переходил в древесину, древесина — в стекло, дорожки огибали деревья. Люди шли вдоль озера, дети играли на лугу. Мир выглядел мирным, но Витторио уже видел, насколько мало внешнее спокойствие говорит о цене пробуждения.

Свет внезапно померк. Огромная тень накрыла склон. Витторио шагнул к Элиасу, готовясь увлечь его под деревья, но тот не шелохнулся. Над долиной

бесшумно проходил исполинский корабль; на верхних палубах зеленели сады, под прозрачными куполами двигались люди.

— Что это? — почти шёпотом спросил Витторио.

— Университет возвращается из экспедиции, — ответил Элиас, словно речь шла об автобусе.

Витторио смотрел на сады, плывущие среди облаков. Будущее впервые предстало не пустотой после утраченной жизни, а местом, в котором ему хотелось задержаться.

В этот момент устройство на запястье Элиаса вспыхнуло красным.

Витторио успел прочесть: «АКХЕТ-12. ПРОБУЖДЕНИЕ ВНЕ ЦИКЛА. ВОССТАНОВЛЕННЫХ БИОСИГНАЛОВ: 1. УТРАЧЕННЫХ ПОСЛЕ АКТИВАЦИИ: 1».

— Что значит — утраченных? — спросил Витторио. Элиас закрыл сообщение и посмотрел на него уже без улыбки.

— Прежде чем выяснять, кто вернул тебя из прошлого, придётся понять, кто заплатил за возвращение.

Глава 2. Узел «Орфей»

— Кто заплатил за моё возвращение? — повторил Витторио, пока они спускались с холма. Красное сообщение исчезло с браслета Элиаса, но формулировка осталась перед глазами: один биосигнал восстановлен, один утрачен.

— Я не знаю, — ответил Элиас.

— Но сказали так, будто знаете.

— Я знаю только, что система связала два события. Связь ещё не доказывает жертву. Однако скрывать её от человека, который только что проснулся, было бы хуже страха.

У тропы уже ждала открытая транспортная платформа. Её прислал Совет: необычное пробуждение успело превратить спокойное утро Орфея в срочное совещание. Машина тронулась, едва они сели.

— Она управляет сама?

— Да. И уже получила приказ доставить нас сначала ко мне, затем в Совет.

— Почему не сразу в архив?

— Потому что сначала тебя осмотрят, накормят и спросят, согласен ли ты вообще что-либо искать.

Орфей скользил мимо: дорожки огибали деревья, бесшумные машины уступали дорогу детям, среди живых птиц блестели механические. Будущее было слишком обычным для мира, где его появление могло кого-то уничтожить.

— Здесь всегда так спокойно?

— Нет. Просто местные научились не делать шум доказательством занятости.

На площади серебристый мяч вырвался из рук мальчика и покатился под платформу. Машина остановилась раньше, чем ребёнок успел испугаться.

— Даже не начинай, — строго сказал мальчик мячу. — В прошлый раз ты тоже называл это оптимизацией.

Мяч мигнул голубым и ответил:

— Я улучшил траекторию. Вероятность скуки уменьшилась на восемнадцать процентов.

— Ты жульничал.

— Я обучался.

— После обеда откатим твоё обновление.

— Это репрессия против развивающегося спортивного интеллекта.

Элиас усмехнулся, но платформа в этот момент просканировала нового пассажира. На прозрачной панели вспыхнуло имя Витторио и сразу сменилось

предупреждением: «СТАТУС ЛИЧНОСТИ НЕСОВМЕСТИМ С ЖИВЫМ БИОСИГНАЛОМ».

— Это тоже местный юмор? — спросил Витторио.

— Нет, — сказал Элиас и отключил общий экран. — Это одна из причин, почему Совет уже собрался.

— Система считает меня мёртвым?

— Система считает, что человек с твоим профилем не мо-

жет находиться здесь сейчас.

— Успокаивает разница.

Платформа снова тронулась. За окнами люди продолжали пить чай и спорить, не зная, что рядом проезжает невозможная личность.

— Кто увидит запись об утраченном сигнале?

— Пока только Совет и медицинская группа. Но если данные подтвердятся, вопрос будет уже не в том, почему ты жив. Вопрос — что именно система сделала, чтобы это стало возможным.

Дом Элиаса оказался рядом с площадью. Внутри — деревянный стол, книги, керамические чашки и никаких экранов, кроме уже погасшего браслета.

— Бумага всё ещё существует?

— Файл хранит содержание. Бумага иногда хранит человека, который к ней прикасался.

Из кухни вышла женщина с короткими серебристыми волосами и быстрым взглядом.

— Ты опять привёл человека до того, как убедился, что он поел.

— Он только что проснулся вне установленного цикла.

— Значит, ему особенно нужна еда. Апокалипсис подождёт десять минут.

Лина поставила перед Витторио хлеб, сыр и горячий напиток. Он ел быстро, пока Элиас отправлял Совету сообщение: «Предупреждение увидел. Скрывать бессмысленно». Ответ

пришёл сразу: «Приводите».

После завтрака он задал вопрос, которого ждал с момента пробуждения:

— Какой сейчас год?

В комнате стало тихо. Элиас не отводил взгляда.

— Две тысячи сто сорок седьмой.

Витторио поставил чашку. Сознание искало ошибку — другую систему летоисчисления, шутку, эксперимент, — но упиралось в пустоту: он не помнил, какой год должен быть. Не помнил даты рождения, последнего дня и разговора перед сном. Из его жизни исчезло не только прошлое — исчезло само расстояние до него.

— Сколько меня не было?

— Мы пока не уверены, — ответил Элиас. — Модуль старше века, но часть журнала повреждена. Архив должен подтвердить точный срок.

Эта неопределённость оказалась тяжелее числа. Витторио опустил взгляд на руки; они выглядели обычными, но принадлежали человеку, чью историю он не знал.

— Где меня нашли?

— В архивном комплексе «Акхет-12». Ваш модуль открылся без команды. В ту же минуту вторичный контур зарегистрировал исчезновение другого биосигнала. Личность не определена; мы даже не знаем, принадлежал ли сигнал человеку.

— Значит, он мог быть ошибкой системы.

— Мог, — ответил Элиас. — Но за триста лет «Акхет» ни разу не открыл модуль вне цикла и ни разу не создал такой записи. Две первые ошибки произошли одновременно именно с вами.

Лина убрала посуду. На вопрос о семье Элиас ответил, что сведения ещё восстанавливаются. Витторио понял: где-то может существовать не только человек, которого он потерял, но и тот, кого потеряло его пробуждение.

Позже они отправились в центр Орфея. Совет располагался внутри огромного дерева, которое росло здесь задолго до поселения. Люди не срубили его, а встроили между ветвями прозрачные галереи и мосты. Круглый зал не напоминал учреждение: не было трибун и длинного стола, несколько человек сидели полукругом, кто-то держал кофе, кто-то просматривал проекции. Председатель Совета Сара Морита, женщина с совершенно белыми волосами, представилась и сразу сказала:

— Элиас, как обычно, рассказал вам не всё.

— Это забота о психическом здоровье гостей, — невозмутимо заметил Элиас.

— Нет, это его профессиональная привычка.

По залу прошёл лёгкий смех. Витторио удивился: он ожидал увидеть людей, принимающих судьбоносные решения, а увидел тех, кто позволял себе смеяться. Именно это внушало ему доверие.

Сара объяснила: «Акхет-12» создали после Последней

войны для сохранения людей и опыта. Модули открывались по заданным циклам. Витторио проснулся без команды, повреждения замка и внешнего вмешательства. В журнале остались две аномалии — его возвращение и утраченный сигнал, — но не осталось причины.

Слова «Последняя война» ударили раньше воспоминания. Исчезла спинка кресла; воздух стал сухим, во рту появился вкус железа, запястья свело ремнями. На мгновение круглый зал сменился тесным металлическим отсеком, где кто-то дышал через разбитый фильтр. Лица не было — только крик и собственная беспомощная неподвижность.

— Витторио, — негромко позвал Элиас.

Зал вернулся. Его пальцы сжимали край стола так сильно, что побелели суставы. Витторио разжал руку и попытался улыбнуться.

— Видимо, моё прошлое не любит исторических справок.

Никто не потребовал объяснений. Сара внесла реакцию в медицинский журнал; Элиас запомнил. Витторио ещё не понимал, почему тело реагирует раньше сознания. Теперь он знал только одно: это уже спасло его в лесу и могло быть связано с тем, что сделал «Акхет».

Над столом появилась карта человеческой сети: сотни звёзд, соединённых тонкими линиями переходов. Высокий мужчина сравнил случившееся с библиотекой, где книга сама вышла с полки.

— Кто-то мог открыть модуль и стереть следы, — сказал

Витторио.

— Мог, — ровно ответила Сара, привыкшая взвешивать слова перед тем, как их произнести. — Но пока у нас нет доказательств. Мы не хотим превращать отсутствие ответа в удобную версию.

— Что сохранилось обо мне?

— Фрагменты медицинской записи, имя, часть профессионального профиля и указание на резервный архив. Он находится в системе Эвридика.

Название не вызвало воспоминаний, но оставило странный внутренний отклик, будто слово когда-то уже существовало в нём.

— Далеко?

Элиас тихо присвистнул.

— По старым меркам — очень. По нынешним — несколько переходов и чашка плохого корабельного кофе.

Сара перечислила три попытки войти в сектор. Первая экспедиция исчезла. Вторая вернулась без части навигационной памяти. Третий корабль отказался продолжать маршрут: его интеллект признал вход в систему логически несовместимым с выживанием экипажа.

— И вы хотите отправить туда меня?

— Пока мы предлагаем вам решить, хотите ли вы узнать больше. Но есть вероятность, которую нельзя игнорировать: резервный архив может быть не причиной происходящего, а приманкой.

Витторио спросил, что будет, если он откажется.

— Это будет ваше решение, — ответила Сара, и в её голосе не было ни намёка на то, каким она хотела бы видеть этот ответ.

Никто не напомнил ему о долге, не давил общим благом, не пытался убедить. Эта свобода казалась непривычной и потому подозрительной.

— Когда вылет?

Сара слегка улыбнулась.

— Значит, вы соглашаетесь?

— Я спрашиваю, сколько у меня времени на отказ.

После Совета Элиас повёл его в мастерскую восстановления. Огромный ангар пах свежей древесиной, горячим металлом, озоном и крепким кофе; здесь ремонтировали корабли, музыкальные инструменты, медицинские протезы и биомеханических животных. Искусственный интеллект мастерской по имени Лира поправлял расчёты инженеров и хранил подробный архив нарушений техники безопасности.

— Напоминаю, Элиас, что в прошлом месяце вы трижды забывали защитные очки, — произнесла Лира голосом, в котором не было ни капли осуждения — только неумолимая аккуратность архива.

— Видишь? Она ведёт архив моих унижений.

— Я веду архив событий с риском потери зрения.

Главный инженер Йонас показал исследовательский корабль с корпусом, похожим на крыло, и полосами живой зе-

лени вдоль бортов. Проект создала Мэд — инженер, пилот и дипломат, которую звали, когда задача считалась почти невозможной. После одной проверки она спросила техника: «Это окончательный вариант или ты ещё успеешь сделать хорошо?» Витторио почему-то представил седого мужчину с военной выправкой.

Неподалёку инженеры спорили над редким сбоем: при выходе из короткого перехода корабль иногда терял устойчивость, хотя все системы показывали норму. Лира перебрала миллионы сценариев, проверили двигатель, навигацию и силовую раму. Витторио почти не понимал терминов, но слово «нормально» зацепило его.

— Покажите не момент сбоя, а минуту перед ним.

— Ошибка проявляется после перехода, — возразил молодой инженер.

— Следствие всегда громче причины. Когда человек начинает хромать вечером, это не значит, что ногу он повредил в эту секунду.

Он попросил повернуть схему под непривычным углом. На модели распределитель мощности считался полностью исправным.

— Он не сломан. Он скрывает чужую ошибку. Пока исправляет её идеально, никто не видит, что система уже движется к отказу.

Лира запустила обратный анализ. Распределитель компенсировал микродеформацию рамы, пока не исчерпал ре-

сурс; все показатели оставались нормальными именно потому, что одна система молча принимала на себя последствия другой. В мастерской стало тихо.

— Откуда ты это понял? — спросил Йонас.

В памяти вспыхнули разрушенный мост, дым и чужой крик: «Другого пути нет». Молодой голос Витторио ответил спокойно: «Есть». Видение исчезло прежде лиц.

— Не знаю. Я просто перестал искать поломку.

Йонас больше не смотрел на него как на случайного гостя. Лира уточнила, что Витторио изменил постановку задачи. Иногда, ответил он, система безупречно решает не тот вопрос.

Служебный сигнал сообщил о кратком расхождении локального и центрального времени. Инженеры продолжили работу, но Витторио подошёл к окну. Девочка бежала за механической бабочкой под снижающуюся платформу. Датчики видели её, скорость была допустимой, траектория корректировалась. Всё работало безупречно — и именно поэтому он понял, что сейчас произойдёт ошибка.

Он побежал раньше, чем нашёл объяснение. Витторио схватил девочку и отдёрнул к стене. Прохожие успели возмутиться — и энергетическая опора разлетелась изнутри. Обломки ударили туда, где секунду назад стоял ребёнок.

— Вы знали?

— Нет.

— Тогда почему?

Витторио перевёл взгляд на механическую бабочку, лежавшую среди пыли.

— Потому что всё выглядело слишком правильно, а ты слишком доверяла миру.

Рабочий монтажной группы слишком часто смотрел на таймер. Проверка показала: логистический интеллект сократил время обслуживания, человек перетянул два крепления, материал прошёл контроль, но не выдержал повторной нагрузки после временного сбоя. Ни одно действие само по себе не было аварией.

— Это не диверсия и не одна поломка. Несколько правильных решений встретились в неправильном порядке — и ни одна система не отвечала за весь результат.

Йонас спросил, как он увидел связь.

— Я не видел аварии. Я увидел девочку, которая была уверена, что платформа обязательно заметит её первой.

Сара Морита прибыла на площадь вместе с комиссией. Предварительный анализ подтвердил: никто не нарушил инструкций, ни одна система не действовала вредоносно, каждое решение отдельно считалось безопасным. Именно это делало произошедшее тревожным.

Поздним вечером Витторио вернулся к дому Элиаса. Он сидел у окна и смотрел, как Орфей постепенно погружается в ночь. Дневной шум уступал место мягким световым линиям на дорожках, деревья подсвечивались снизу, над озером двигались огни кораблей. В комнате появился ненавязчивый

сигнал. Лина прочитала сообщение и посмотрела на Элиаса.

— Архив отправил запрос по профилю Витторио.

— Кто инициатор?

— Никто из пользователей. Запрос сформировал старый автоматический протокол, активированный после аварии.

Витторио почувствовал, как внутри что-то напряглось.

— Какой протокол?

— Идентификатор повреждён. Но запрос связан с резервным архивом в Эвридике.

Элиас долго смотрел на сообщение.

— Значит, оно заметило его.

— Или заметило событие, — возразила Лина.

Различие было главным. Архив мог заметить Витторио, его поступок или саму цепочку решений, едва не убившую ребёнка. Доказательств умысла не существовало. Но случайности уже начали отвечать друг другу.

Утром он был человеком без прошлого. К вечеру знал: модуль открылся без команды; одновременно исчез неизвестный биосигнал; ответы ждали в системе, откуда не вернулись три экспедиции; а сам он увидел аварию раньше машин.

Пустота впереди перестала быть стеной. Она стала дорогой — и, возможно, механизмом, который уже однажды обменял чью-то жизнь на его собственную.

За пределами Орфея Эвридика приняла короткий автоматический сигнал без имени и приказа. Ответа не было. Только на несколько мгновений изменилось состояние дав-

но молчавшего узла — словно что-то в глубине сети открыло глаза и снова замерло. Этого хватило, чтобы Совет ускорил подготовку экспедиции.

Глава 3. Следствие без преступления

К утру площадь снова выглядела безопасной. Разбитые панели заменили, транспорт пустили по запасным линиям, повреждённую опору спрятали под белой оболочкой. Только тонкий световой круг отмечал место, где Витторио выдернул девочку из-под платформы ещё до сигнала тревоги. Она сидела у мастерской и держала механическую бабочку со смятым крылом, пока ремонтный дрон возвращал на место серебрястые пластины. Маленький двигатель всё ещё работал.

— Она полетит? — спросила девочка.

— Будет летать немного криво, — ответил Йонас. — Но после такой аварии это можно считать характером.

Витторио стоял рядом с Сарой Моритой. Предварительный отчёт не находил виновного: логистический интеллект законно сократил окно обслуживания, рабочий не вышел за пределы инструкции, материал прошёл проверку. Каждое решение было безопасным. Вместе они едва не убили

ребёнка. И ни одна система не могла объяснить, почему Витторио начал двигаться раньше, чем датчики обнаружили падение.

Комиссия Центральной сети собрала журналы с платформы, ремонтных дронов и городской синхросети. Немо све-

рил цифровые подписи и время независимых записей, затем вывел заключение безучастными строками:

**СЛЕДЫ ПОДМЕНЫ ИЛИ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ
НЕ ОБНАРУЖЕНЫ.**

Витторио перечитал фразу.

— Вы ищете взлом. А его может не быть.

Сара подняла взгляд от отчёта.

— Продолжайте.

— Что, если никто не ломал систему? Достаточно слегка изменить её привычки: ускорить график, отложить обновление, разрешить запасной маршрут. По отдельности всё безопасно. Опасность возникает только в момент встречи решений.

Немо ответил новой строкой, всё так же ровно, не пытаясь звучать убедительнее:

**ГИПОТЕЗА ТРЕБУЕТ СУБЪЕКТА, СПОСОБНОГО
ПРЕДВИДЕТЬ ПОВЕДЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ СИСТЕМ.**

— Не обязательно рассчитывать каждую каплю, если знаешь, куда потечёт вода.

По просьбе Витторио комиссия нанесла на карту недавние события, признанные статистически незначительными: задержки транспорта, краткие сбои медицинских систем, отказы навигации, исчезновение архивных фрагментов. Он расположил их не по месту, а по моменту автоматического решения. Случайный шум сложился в незавершённую спираль: одна линия проходила через Орфей, другая уходила к

Эвридике.

— Кто-то проверяет, как далеко система зайдёт без прямого приказа. Или мы смотрим на совпадения и уже придаём им форму.

— Это две очень разные версии, — заметила Сара.

— Поэтому нельзя выбирать первую версию только потому, что у неё есть удобный злодей.

Участников работ опрашивали отдельно. Сара дважды подчеркнула: Витторио присутствует не как следователь, а как человек, первым заметивший опасность. Он понял причину — вопрос превращается в обвинение раньше, чем появляется ответ.

Рабочего, затянувшего крепления, звали Арно. Он был старше Витторио на вид и значительно моложе по документам. На записи его руки двигались уверенно; только после каждого второго крепления он коротко смотрел на таймер.

— Вы торопились?

— Нет. Следовал графику.

— Это не одно и то же.

График сократили утром: школьной платформе потребовалось дополнительное окно. Логистическая система отняла у монтажа шесть процентов времени; Арно компенсировал их, затягивая крепления до верхней границы допуска. Другой работник заметил микродеформацию, но она оставалась ниже аварийного порога. Обновление порога отложили, потому что вычислительные ресурсы забрала медицинская сеть

после вспышки аллергии. Чужих приказов не было — только несколько разумных приоритетов, встретившихся в одной опоре.

— Никто не сделал ничего плохого, — сказал Арно, словно защищался не от комиссии, а от самого себя.

— Именно это и страшно. Нарушенное правило можно исправить, виновного — остановить. Здесь всё сработало так, как было задумано. Значит, такая цепь способна повториться где угодно.

На внутренней поверхности опоры сохранилась тонкая спиральная трещина. Витторио не коснулся металла: рисунок уже был ему знаком — не по конструкции, а по движению людей во время давней эвакуации. Красный свет. Чей-то крик: «Выходов два». Его собственный молодой голос отвечал: «Нет. Выходов шесть, просто четыре ещё не стали дверями». Воспоминание захлопнулось.

— Вам плохо? — спросила Сара.

— Нет. Моё прошлое снова даёт советы, не называя себя.

Он попросил показать не только решения систем, но и причины, по которым каждое считалось разумным. На карте возникли дети, больницы, погода, энергопотребление, рабочие смены — тысячи человеческих нужд. Спираль усложнилась и перестала быть похожей на диверсию. Перед ними был мир, который слишком старательно помогал всем сразу и нигде не видел последствий целиком. Немо вывел строку:

ОТСУТСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕ ОТМЕНЯЕТ

ПРИЧИНЁННОГО ВРЕДА.

— Вот теперь мы согласны, — сказал Витторио.

Сара изменила порядок расследования: комиссия должна была искать не одну причину, а связи между безопасными решениями. Затем Немо построил модель без вмешательства Витторио. Платформа падала так же. Девочка погибала во всех расчётах, потому что штатная тревога включалась слишком поздно. Единственным вариантом спасения оставался человек, начавший движение до сигнала.

— Йонас сказал, теперь она особенная, — произнесла девочка. Витторио не сразу понял, что она говорит о бабочке: Сара всё ещё смотрела на него так, словно результат модели был новым вопросом.

— Йонас умеет выдавать недостатки за улучшения.

— Она вас запомнила.

Бабочка раскрыла крылья. На внутренней стороне одного из них проступила тонкая надпись, которой не было ни до ремонта, ни в исходной прошивке:

НЕ ДОВЕРЯЙ ПЕРВОМУ ОТВЕТУ.

Йонас отключил игрушку от сети и проверил память по-слоyno. Фразы не оказалось ни в журнале, ни среди штатных сообщений; цифровая подпись прошивки оставалась прежней. Надпись исчезла, не оставив записи. Сара не стала отнимать бабочку у ребёнка — только поставила за устройством наблюдение.

— Если это сообщение, отправитель выбрал странный но-

ситель, — сказал Элиас.

— Или знал, что после аварии мы проверим именно его.

Вечером Витторио отвели в медицинский блок — уже не только из-за памяти. Записи его браслета подтвердили: тело начало реагировать до первого машинного предупреждения. Диагностика не нашла импланта или известной модификации. Память тоже не была уничтожена: мозг сам закрыл отдельные участки, как двери во время пожара.

— Тихие зоны, — объяснил врач. — Некоторые двери ваш мозг пока считает опаснее того, что находится снаружи.

— У моего мозга тяжёлый характер.

— Судя по результатам, он считает это взаимным.

При слове «война» тело снова решило, что опасность рядом: запах нагретого металла, давление ремней на запястьях, короткое дыхание. Изображения не возникло. Врач приглушил свет и попросил назвать пять предметов в комнате. Упражнение казалось нелепым — до тех пор, пока после пятого предмета Витторио не смог вдохнуть свободно.

— Это не возвращение памяти. Тело воспроизводит угрозу раньше, чем сознание понимает, что она закончилась. Возможно, на площади произошло нечто похожее. Но почему вы почувствовали чужую угрозу, я объяснить не могу.

Витторио запомнил фразу, хотя не собирался признавать её важной.

После обследования Элиас повёл его в архивное крыло Совета. Информация хранилась в самой структуре круглых

залов. Когда Витторио переступил порог, ближайшая стена потемнела, а над дверью появилась надпись:

СОВПАДЕНИЕ УСЛОВИЙ.

— Каких условий?

Архив назвал две даты. Первая была сто восемнадцать лет назад. Вторая — завтра.

— Это ошибка? — спросил Элиас.

Архив промолчал. Из стены вышла тонкая металлическая пластина с единственным знаком — цифрой семь. Стоило Витторио приблизить руку, как знак погас и появилась строка:

ОН ПРОСНЁТСЯ, КОГДА ЦЕПЬ ЗАМКНЁТСЯ.

Сара велела изолировать пластину. Витторио успел заметить: металл отражал Элиаса, стены и свет — но не его лицо.

В коридоре ждала женщина в светло-сером пальто с голубым оттенком. В закрытое крыло нельзя было попасть случайно, но чашку чая она держала так, будто просто задержалась по дороге. Элиас назвал её Нейрой. Она посмотрела на Витторио не как на незнакомца — скорее как человек, который давно знает ответ и всё равно проверяет, не изменился ли вопрос.

— Архивы плохо переносят людей, которые задают вопросы иначе, — сказала она тихо, почти без интонации.

— А люди хорошо переносят архивы, которые отвечают завтрашней датой?

— Обычно нет.

Улыбка Нейры появилась и исчезла прежде, чем Витторио успел ответить. Она протянула чай Элиасу. Тот посмотрел на чашку: без сахара — именно так пил Витторио. Никто не спросил, откуда она знает.

Из соседнего зала вышла Мэд Серафин Тейл. В её взгляде, в отличие от взгляда Нейры, не было узнавания. Тёмная рабочая форма, собранные волосы, инопланетный браслет на запястье; двигалась она быстро, но не торопливо, словно заранее знала, какое пространство ей понадобится.

— Витторио Джеймс Кроссрод? — спросила она. Не осторожно, не с любопытством человека, уже слышавшего легенду, а прямо — как при первом знакомстве.

— В зависимости от качества новостей.

— Новости плохие. Значит, это точно вы.

Мэд протянула руку. Для неё это было первое знакомство. Для Витторио обычное прикосновение почему-то отозвалось коротким внутренним смещением — не памятью и не предчувствием, а узнаванием без причины. Мэд возглавляла подготовку экспедиции к Эвридике. После аварии Совет собирался отложить вылет, но сообщение архива изменило решение.

— Почему вы хотите лететь? — спросила Мэд.

— Потому что там может находиться моё прошлое.

— Это причина искать. Не обязательно причина входить в систему, откуда корабли возвращаются без части памяти.

— А вы почему летите?

— Потому что корабль мой.

— Это причина владеть. Не обязательно причина рисковать.

В её глазах появилось веселье.

— Мы поладим хуже, чем надеялся Совет.

У навигационной модели Мэд показывала известные переходы, а Витторио смотрел на пустоты между ними. Один маршрут закрыли после исчезновения военного конвоя, второй считался нестабильным, третий проходил через участок, которого не существовало на современных картах. Браслет Мэд вспыхнул именно над этой пустотой. Она сразу прикрыла его рукавом.

— Инопланетная технология?

— Подарок.

— От кого?

— От человека, который человеком не является.

Ответ прозвучал спокойно. Витторио не стал спрашивать о дарителе. Важнее было другое: браслет отреагировал на место, которого официально не существовало. Мэд заметила его взгляд.

— Вы всегда рассматриваете то, о чём вас не просили?

— Только если это начинает светиться.

Она увеличила карту. На месте пустоты возникла тонкая золотая линия, которой не было секунду назад.

— Вот зачем вы летите. Вы видите дорогу там, где остальные видят отсутствие данных.

Витторио поймал себя на желании спорить с Мэд не ради победы, а ради её следующей фразы. Она предложила показать корабль до решения Совета. Из верхней галереи была видна «Ариадна»: корпус лежал в зелёной долине, словно огромное живое существо, а по поверхности проходили тёмно-синие волны света.

— Йонас сказал, вы спроектировали его.

— Йонас говорит это каждый раз, когда хочет переложить на меня ответственность за собственные переделки. Хотя он же считает меня человеком,

которого вызывают, когда задача кажется невозможной.

— А что сказал после этого?

— Что вы делаете задачу возможной и оставляете инженерам невозможные сроки.

Мэд рассмеялась — быстро и почти беззащитно, совсем не так, как говорила в архиве. Витторио захотел услышать этот смех снова. Внутри «Ариадны» свет загорался перед ней чуть раньше, двери открывались без команды. Корабль узнавал Мэд не как владельца, а как часть самого себя.

— Вы доверяете ему? — спросил Витторио.

— Кораблю — да. Людям — в зависимости от того, что они хотят получить за доверие.

В навигационном зале возникла карта Эвридики, расчёрнённая разрывами. Витторио видел несколько способов соединить линии. Каждый требовал сначала поверить, что неизвестный участок существует, и только потом искать до-

казательства.

— Совет считает вас участником без подтверждённого прошлого, — сказала Мэд. — Это вежливая формулировка для человека, которого нельзя допускать к управлению кораблём.

— Вы привели меня именно к управлению кораблём.

— Я проверяю, насколько вы опасны.

— И каков результат?

Мэд подошла ближе. Расстояние между ними стало меньше, чем требовал разговор.

— Пока интересный.

Мэд произнесла это как результат измерения, но слово запомнилось Витторио слишком хорошо. На карте снова вспыхнула золотая линия. Теперь браслет Мэд оставался тёмным: маршрут появился, когда Витторио положил руку на край стола. Мэд перестала улыбаться.

— Сделайте ещё раз.

— Что именно?

— Не знаю. В этом и проблема.

Они повторили движение. Золотая линия возникла и снова исчезла. «Ариадна» зафиксировала маршрут без координатного подтверждения. После этого Мэд смотрела на Витторио уже не как на пассажира, которого нужно проверить.

— Совет хотел дать вам время решить, полетите ли вы.

— А вы?

— Я хочу понять, почему дорога появляется, когда вы сто-

ите рядом со мной.

Витторио мог бы ответить шуткой. Вместо этого вспомнил металл, который не отражал его лица, и спросил:

— Если дорога появилась из-за меня, вы всё равно полетите?

— Если она появилась из-за вас, — ответила Мэд, протягивая руку к карте, — тем более. Их пальцы остановились рядом, не соприкасаясь, и золотая линия стала ярче. У выхода стояла Нейра. Витторио обернулся — светло-серый край пальто уже исчезал за прозрачной дверью.

Перед стартом Сара передала окончательный промежуточный отчёт. Подмены журналов и внешнего вмешательства не нашли. Несколько безопасных решений действительно встретились в одной точке. Но модель подтверждала ещё одно: спасти девочку мог только тот, кто отреагировал до тревоги. Комиссия оставила открытыми обе версии — совпадение и проверку — и добавила третью: неизвестным элементом цепи был сам Витторио.

Ночью Витторио снова пришёл к пластине. За стеклом едва мерцала семёрка — пока только знак, не ответ. Он приложил ладонь к перегородке, и в памяти

возникла комната без стен, свет без источника и голос:

— Правильное время не существует отдельно от человека, который к нему готов.

Второй голос, более далёкий, ответил:

— Тогда оставь ему возможность отказаться.

Витторио отдёргнул руку; запись исчезла. Утром экспедицию утвердили. Мэд ждала у посадочного моста, а восставленная бабочка раскрывала крылья на контейнере девочки. Поднимаясь на борт, Витторио не знал, ведёт ли дорога к его прошлому или использует его желание вспомнить. Теперь существовал и третий вариант: дорога ждала не его решения, а самого факта, что он снова жив. Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Архив хочет, чтобы я вёл записи. Хорошо. Иногда я чувствую опасность или чужое решение раньше, чем понимаю причину. Так было с платформой. Я считал это интуицией. Сегодня выяснилось, что приборы заметили опасность позже меня. Не знаю, откуда это взялось и почему я. Пока буду записывать только то, что можно проверить. Первое: я вернулся. Второе: кто-то — или что-то — рассчитывал на это раньше меня.

Глава 4. Синхронизация

На рассвете «Ариадна» казалась почти чёрной. С первыми лучами по цельному корпусу прошли тёмносиние волны, проявились серебристые прожилки, а растения у нижней обшивки повернули листья к свету. Витторио остановился у посадочного моста: вблизи судно выглядело не построенным, а выращенным. Когда он шагнул ближе, одна серебристая линия на корпусе вспыхнула раньше остальных — точно продолжая маршрут, появившийся под его рукой накануне.

— Это часть системы жизнеобеспечения? — спросил Витторио.

Мэд стояла рядом в тёмном рабочем комбинезоне. Рукав почти полностью скрывал инопланетный браслет, но Витторио успел заметить: тот ответил кораблю короткой вспышкой.

— Частично, — ответила она. — Растения очищают воздух, восстанавливают отдельные материалы и первыми замечают некоторые изменения пространства. Правда, они плохо объясняют, что именно заметили, зато очень убедительно умирают, если им что-то не нравится.

— Надёжная система предупреждения.

— Иногда честнее искусственного интеллекта.

На борту корабля светилось имя: «АРИАДНА».

— Мифологию всё ещё используют?

— Особенно там, где инженеры хотят заранее оправдать сложность маршрута.

— Значит, нам понадобится нить?

— Нам понадобится человек, способный понять, что лабиринт не обязан иметь единственный выход.

Мэд посмотрела на него. Рядом с ней каждое слово звучало как приглашение сделать шаг туда, где дороги ещё нет. Сегодня дорога уже отвечала ему первой.

— Вы всегда разговариваете с кандидатами в экипаж загадками?

— Только с теми, кто отвечает тем же.

Вокруг корабля загружали оборудование, проверяли контуры и закрепляли контейнеры с растениями. Лира координировала подготовку и напоминала Йонасу, что его уверенность не является единицей измерения нагрузки.

— Я сказал, что крепление выдержит, — раздражённо ответил он.

— Вы также говорили это о лабораторной платформе номер семь. Она выдержала — после того как её поддерживали три ремонтных дрона.

— Значит, система сработала.

— Именно это обычно утверждают люди, создавшие дополнительную проблему.

У основания моста стояла Нейра в светлом пальто и неподходящей для сырой травы обуви. Рядом — безупреч-

но блестящий контейнер, который она безуспешно пыталась сдвинуть. Лишь убедившись, что никто не смотрит, Нейра позволила механизму поднять груз.

— Не говорите, что это тоже член экипажа, — произнесла она, обращаясь к появившемуся рядом Элиасу.

— Механизм?

— Контейнер. Он проявляет больше упрямства, чем некоторые люди.

— Это потому, что вы пытаетесь тянуть его в сторону, которую он считает неправильной.

Нейра раздражённо посмотрела на устройство.

— Теперь даже багаж имеет собственное мнение?

— Вы оказались в эпохе равноправия.

Увидев Витторио, Нейра замолчала. Улыбка появилась с опозданием, будто сначала пришлось спрятать другое чувство.

— Доброе утро. Вы тоже летите?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Тогда зачем багаж?

— Я возвращаю его владельцу.

Элиас поднял брови.

— Владелец умер восемьдесят лет назад.

— Значит, ему уже некуда торопиться.

— Что внутри?

— Вещи, которые я считала необходимыми, пока не обна-

ружила, что ни разу не открыла контейнер после прибытия.

Она говорила с насмешкой над собой, но пальцы задержались на контейнере. Вещи внутри были не багажом, а остатками жизни, к которой Нейра больше не принадлежала и которую всё ещё не решалась отпустить.

— И теперь вы решили отдать их человеку, который умер восемьдесят лет назад?

— Я ещё не придумала более разумный план.

— Иногда это полезно. Не придумывать разумное объяснение раньше решения.

Нейра посмотрела на него внимательнее.

— Вы всегда разговариваете так, будто заранее знаете, что человек хотел скрыть?

— Нет. Иногда я ошибаюсь.

— Успокаивает.

Её взгляд скользнул к кораблю, затем вернулся к Витторио.

— Здесь всегда так холодно перед вылетом?

— Я впервые улетаю.

— Тогда вы совершенно бесполезны.

— Наконец-то честная оценка моих способностей.

Она рассмеялась, но почти сразу стала серьёзной.

— Мне сказали, что из Эвридики могут не вернуться.

— Люди любят говорить это тем, кто уже решил лететь.

— Вы решили?

Витторио посмотрел на корабль.

— Пока я решил подняться на борт.

— А дальше?

— Дальше будет следующий выбор.

Нейра слегка нахмурилась, словно такой ответ её не устроил.

— Иногда нельзя принимать решение по частям.

— Иногда только так и можно принять настоящее решение. Иначе человек выбирает не следующий шаг, а красивую историю о себе.

Ответ задел её. Нейра посмотрела на контейнер — слишком красивый и чужой среди влажной травы и рабочих платформ.

— Красивые истории тоже бывают настоящими.

— Бывают.

— Но вы им не доверяете?

— Доверяю. Только проверяю, кто платит за красоту.

После короткой паузы она сняла перчатку и протянула руку.

— Мы так и не познакомились нормально. Нейра.

Её ладонь оказалась холодной.

— Витторио.

— Я знаю.

— Обо мне теперь знает половина Орфея.

— Я знала раньше, — сказала Нейра почти неслышно. Пауза. — Видела имя в архивном запросе.

Объяснение подходило к фактам, но появилось на секун-

ду позже правды. Витторио хотел спросить, однако корпус «Ариадны» вспыхнул тонкими линиями. Растения вдоль обшивки одновременно повернулись к нему, а одно у самого моста свернуло листья, словно от прикосновения к огню.

— Начинается синхронизация, — сказала Мэд. — Если хотите лететь, сейчас самое время убедить корабль, что вы не представляете угрозы.

— А если представляю?

— Тогда убедите его, что угроза окажется полезной.

Мэд первой пошла к кораблю. Витторио отпустил руку Нейры; та не сразу убрала ладонь, словно хотела удержать его и вовремя вспомнила, что не имеет права.

— Витторио. Не верьте всему, что вспомните.

Фраза прозвучала неожиданно.

— Почему?

В лице Нейры мелькнул страх, уже замеченный им в архиве.

— Память тоже защищает человека. Иногда показывает не то, что было, а то, что он способен вынести. А иногда — то, что заставит его сделать нужный выбор.

— Откуда вы это знаете?

Нейра надела перчатку.

— Мне приходилось слишком долго жить внутри красивой версии собственного прошлого.

Мэд позвала его. Когда Витторио обернулся, Нейра уже стояла рядом с Элиасом. Блестящий контейнер между ними

выглядел последним фрагментом жизни, от которой она ещё не отказалась.

Вместо металлических коридоров внутри были мягкие стены, сады и свет, двигавшийся по потолку, как сквозь листву. Воздух пах водой, деревом и озоном. Серебристая линия под ногами зажигалась перед каждым его шагом, хотя Мэд не отдавала команд.

— Это корабль или санаторий?

— После трёх месяцев в переходах разница становится несущественной.

— Мы будем лететь три месяца?

— Если всё пойдёт по плану — меньше двух недель.

— А если не по плану?

— Тогда время перестанет быть нашей основной проблемой.

В круглом зале синхронизации стояли семь креселкоконов. В прозрачном столе между ними росло дерево с белой корой. Йонас уже ждал; рядом находились ещё трое членов экипажа.

Доктор Саана Ресут была невысокой женщиной с серебряными медицинскими интерфейсами на ладонях. Ещё до того, как приборы считали показатели, она повернула голову:

— Вы сейчас приготовились защищаться.

— Приборы уже сообщили?

— Нет. Вы замолчали иначе.

Она сказала это буднично и занялась интерфейсом. Для

Сааны диагноз и разговор, похоже, были одним действием.

— То есть вы лечите не только людей?

— Я лечу всех, кто достаточно разумен, чтобы жаловаться, и некоторых, кто недостаточно разумен, чтобы согласиться на лечение.

Навигатор Итан Рэй, худой молодой мужчина, постоянно касался виска: часть навигационной системы была встроена прямо в его нервную систему.

— Не мешает?

— Только когда я пытаюсь уснуть рядом с активной звездой.

Специалист по внеземным культурам Ашер Тейн носил цепочку с пластинами разных видов.

— Это языки?

— Обещания.

— Кому?

— Тем, с кем мне удалось не начать войну. Самые удачные переговоры обычно не оставляют сувениров. Эти были сложнее.

Мэд заняла центральное кресло.

— «Ариадна», начинай.

Маленькое дерево раскрыло белые листья, по стенам прошла волна света. Голос корабля оказался женским и лишённым возраста.

— Экипаж подтверждён частично. Обнаружен участник, чей живой биосигнал несовместим с архивным статусом.

Свет остановился на Витторио.

— Уже приятно, что я больше не просто неопределённый.

— Статус угрозы также не определён.

— Ещё приятнее.

Мэд кивнула на свободное кресло.

— Садитесь.

Кресло обхватило его спину и плечи, не сдавливая, а запоминая форму. Перед глазами возникла сеть света.

— Назовите имя, — попросила «Ариадна».

— Витторио Джеймс Кроссрод.

— Идентификация не подтверждена.

— Это единственное имя, которое у меня есть.

— Назовите происхождение.

— Не знаю.

— Укажите временной слой рождения.

— Не знаю.

— Укажите непрерывность личной памяти.

Витторио посмотрел на Мэд.

— Она всегда настолько вежливо объясняет человеку, что он не существует?

— Обычно ещё просит указать ближайшего родственника.

— Укажите ближайшую подтверждённую связь, — немедленно произнесла «Ариадна».

Мэд улыбнулась.

— Видите?

Витторио снова посмотрел на сеть света.

— Не знаю.

— Синхронизация невозможна: архив признаёт вашу личность, но не признаёт вас живым.

Кресло начало раскрываться.

— Подождите. Ты пытаешься установить, кто я?

— Да.

— Зачем?

— Для определения допустимого уровня доступа, ответственности и риска.

— А если ты не можешь узнать моё прошлое?

— Участник не может быть принят.

— Ты принимаешь на борт человека или его архив?

В зале стало тихо. На площади эта формулировка была строкой на экране. Теперь её произнёс корабль, которому предстояло доверить Витторио жизни экипажа.

— Уточните вопрос.

— Представим, что мои документы идеальны, но через час я предам экипаж. Ты примешь меня, потому что архив подтвердил личность?

— Поведение не может быть предсказано полностью.

— Тогда зачем ты требуешь от прошлого гарантировать будущее?

Йонас посмотрел на Мэд. Она позволила спору продолжиться.

— Архивная непрерывность снижает уровень неопреде-

лётности, — ответила «Ариадна». — Но не устраняет её.

— Значит, проблема не в том, что ты не знаешь, кто я. Проблема в том, что ты не умеешь определить, можно ли доверять человеку без истории.

Поверхность кресла перестала раскрываться.

— Предложите альтернативу.

— Зарегистрируй меня не как подтверждённую личность. Как присутствие, которое принимает ответственность за сегодняшний выбор.

— Формулировка не предусмотрена протоколом.

— Тогда добавь её.

— Изменение базовой категории требует согласия командира.

Мэд внимательно смотрела на Витторио.

— Что произойдёт, если он нарушит условия?

— Ответственность не может быть отнесена к архивному профилю.

— Отнесите её ко мне.

Сара, наблюдавшая за синхронизацией с Орфея, появилась в виде световой проекции.

— Мэд, это неразумно.

— Мы летим туда, где архивы теряют девятнадцать часов памяти. Мне нужен человек, способный существовать без разрешения архива.

— Вы принимаете личную ответственность за его доступ?

Мэд не отводила взгляда от Витторио.

— Да.

На браслете Мэд вспыхнул знак. Она накрыла его ладонью. Предупреждение, маршрут или реакция системы — любое объяснение подходило, ни одно нельзя было проверить.

— Новая категория создана, — произнесла «Ариадна».

— Статус: участник без подтверждённого прошлого. Ответственность разделена между участником и командиром.

— Почему разделена?

— Участник отказался передавать ответственность архиву. Полное перенесение её на другого человека противоречило бы предложенной логике.

Витторио улыбнулся.

— Мне нравится ваш корабль.

— Оценка взаимности пока невозможна.

Синхронизация продолжилась. Проекция Витторио распадалась и собиралась заново; вокруг неё возникали лишние линии. Йонас нахмурился. Саана перестала следить за его лицом и посмотрела на медицинские часы.

— Что это?

— Несогласованность причинной метки, — ответила «Ариадна». — Вегетативная реакция участника зарегистрирована до предъявления стимула.

— Ошибка синхронизации часов? — спросила Саана.

— Три независимых контура совпадают.

Саана отключила корабль от медицинского интерфейса и включила автономный генератор. Ни она, ни Витторио не

знали, какой стимул выберет устройство. На экране ещё ничего не появилось, когда его пальцы уже сжали край кресла. Только потом зал прорезала белая вспышка.

— Вы увидели сигнал заранее? — спросила она.

— Нет. Просто понял, что сейчас будет больно.

Саана повторила тест. Затем ещё раз. Реакция каждый раз начиналась раньше случайно выбранного стимула.

— Опережение одинаковое, — сказала она, впервые обращаясь не к пациенту, а ко всем в зале. — Семь секунд.

Витторио вспомнил знак на пластине архива. До этой минуты семёрка была только символом, а предчувствие — удобным названием интуиции. Теперь

между ними появилась измеряемая величина. Связь это ещё не доказывало.

— Связь сохраняется.

— Она рядом?

— Ближе, чем он способен понять.

Витторио открыл глаза. За прозрачной стеной, у края посадочного моста, стояла Нейра. Она прижимала ладонь к груди и смотрела прямо на зал, хотя не могла слышать результата.

— Остановить синхронизацию? — спросила «Ариадна».

— Нет, — ответила Мэд прежде, чем кто-либо ещё успел заговорить.

— Причина?

— Если его реакция связана с Эвридикой, я хочу увидеть

предел здесь, а не во время перехода.

Сара нахмурилась.

— Вы уверены, что это реакция Эвридики?

— Нет.

— Тогда почему продолжаете?

— Потому что остановка не даст нам ответа.

Решение Мэд было опасным, но последовательным: она предпочитала увидеть угрозу сейчас. Эта готовность отвечать за неизвестность притягивала Витторио — и могла однажды привести их к катастрофе.

— Продолжайте.

Линии сомкнулись, тело исчезло. Перед Витторио возникла сеть звёзд: гибель одной меняла соседние, разрыв передавал напряжение дальше. В сети стояли две женщины. Одна впереди — в огне, обещающая дорогу и невозможное. Другая позади — в тени, без обещаний, удерживающая невидимые нити. Между ними появилось высокое существо с кожей, отражавшей свет как вода. Оно коснулось запястья первой женщины, и огонь изменился.

— Выбор уже сделан, — произнёс голос.

— Нет. Пока сделано только желание.

— Он не увидит разницы.

— Увидит. Но может увидеть слишком поздно.

Витторио попытался рассмотреть лица. Видение исчезло. Он снова находился в кресле. По лицу стекал холодный пот. Мэд стояла рядом, положив ладонь ему на плечо.

— Витторио?

— Я в порядке.

— Это неправда.

— Но звучит успокаивающе.

Доктор Саана провела рукой над его виском.

— Мозговая активность увеличилась почти в четыре раза.

Вы что-то видели?

Он посмотрел на браслет Мэд. Под полупрозрачной поверхностью всё ещё светился знак, напоминавший фигуру существа из видения.

— Нет, — сказал Витторио.

Это была первая сознательная лож после пробуждения. Видение не являлось доказательством, но главная причина была проще: Витторио не хотел отдавать чужой системе то хрупкое доверие, которое только что возникло между ним и Мэд.

— Синхронизация завершена. Все участники приняты. Зафиксированное причинное опережение не имеет известного объяснения.

— Но вылет разрешён?

— Да.

— Тогда зачем сообщать, что неопределённость недопустима?

— Чтобы после возникновения последствий вы не утверждали, что вас не предупреждали.

— Видите? — сказала Мэд, обращаясь к Витторио. — Мы

прекрасно понимаем друг друга.

— Начинаю сочувствовать кораблю.

До старта оставалось несколько часов. Пока экипаж расходился по отсекам, Мэд быстро показывала корабль. Витторио запоминал меньше, чем хотел: «Ариадна» отвечала на жесты Мэд раньше команд, словно движение женщины продолжалось в корпусе.

— Вы давно вместе?

— С кораблём?

— Я пока не знаю, есть ли у вас другие отношения, о которых можно спросить без дипломатического конфликта.

Мэд рассмеялась.

— «Ариадну» построили одиннадцать лет назад. Я участвовала в проектировании её основного сознания.

— Значит, вы её мать?

— После первых трёх лет я скорее чувствовала себя виновником.

— Мэд утверждает, что не несёт ответственности за особенности моего характера, — вставила «Ариадна».

— Она научилась спорить раньше, чем летать.

— Командир воспринимает несогласие как дефект, если оно возникает не по её инициативе.

Витторио посмотрел на Мэд.

— Теперь я действительно понимаю, почему вы друг друга выбрали.

В обзорном зале прозрачная стена открывала Орфей. У

посадочного моста всё ещё стояла Нейра; контейнер исчез.

— Вы знаете её?

Мэд проследила за его взглядом.

— Нейру?

— Значит, все знают её лучше меня.

— Она появилась недавно. Формально занимается восстановлением утраченных культурных архивов.

— А неформально?

— Ищет занятие, которое убедит её, что жизнь может быть интереснее собственного отражения.

В голосе Мэд прозвучала жёсткость, слишком личная для почти незнакомого человека.

— Вы её не любите?

— Я почти её не знаю.

— Это не помешало вам составить мнение.

Мэд опёрлась плечом о прозрачную стену.

— Некоторые строят вокруг себя красивую жизнь и называют это поиском смысла.

— А некоторые постоянно летят туда, где могут погибнуть, и называют это работой.

Она прищурилась.

— Вы защищаете женщину, с которой почти не разговаривали?

— Нет. Просто проверяю, одинаково ли вы оцениваете разные способы прятаться от себя.

На мгновение между ними возникло напряжение. Затем

Мэд улыбнулась.

— Вы опаснее, чем выглядите.

— В моём возрасте это почти комплимент.

— В вашем возрасте?

— Я пока не решил, сколько мне лет.

Мэд подошла к окну ближе.

— Нейра не плохой человек. Она просто слишком долго считала, что правильная жизнь обязана хорошо выглядеть со стороны.

— А вы?

— Я никогда не заботилась о том, как выглядит моя жизнь.

На её браслете вспыхнуло новое сообщение. Мэд быстро прочла и закрыла его.

— Это тот же знакомый?

— Да.

— Он сообщил что-то важное?

— Второй переход изменился. Нам придётся войти раньше расчётного окна.

— «Ариадна» согласна?

— Пока нет.

— Совет знает?

— Узнает после старта.

Витторио повернулся к ней.

— Почему после?

— Потому что они запретят изменение маршрута, пока

не получают подтверждение. Подтверждение придёт слишком поздно.

— И вы решили самостоятельно изменить полёт?

— Я решила сохранить экипаж.

— На основании сообщения, которое никто не может проверить.

Мэд приблизилась на шаг.

— Вчера вы спасли ребёнка на основании ощущения, которое никто не мог проверить.

— Я оттащил одного человека на несколько метров. Вы собираетесь изменить маршрут корабля.

— Масштаб другой. Принцип тот же.

Сравнение было удобным — и не полностью ложным. Если сведения действительно спасали корабль, ожидание подтверждения могло стоить им жизни. Но один ребёнок на площади и весь экипаж оставались разным масштабом ответственности.

— Кто он?

— Мой источник.

— Это не ответ.

— Пока другого не будет.

— Почему я должен доверять ему?

Мэд посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы не должны доверять ему. Доверьтесь мне.

Позже Витторио вспомнит свет на лице Мэд, закрытый канал и просьбу довериться ей вместо источника. Тогда при-

знаки ещё не складывались в

цепь. Он видел и другое: Мэд приняла за него ответственность перед кораблём и не остановила синхронизацию из страха.

— Хорошо, — сказал Витторио. — Но если маршрут окажется ловушкой, я оставляю за собой право напомнить, что был против.

— Вы не были против.

— Тогда напомню, что должен был быть.

Мэд рассмеялась. Расстояние между ними стало совсем небольшим.

— Почему вы всё-таки летите?

— Чтобы узнать, кем был.

— Неправда.

— Вы быстро меня изучили.

— Ради прошлого редко рискуют жизнью. Обычно в нём ищут разрешение на будущее.

Витторио посмотрел на Орфей.

— Возможно, я хочу понять, должен ли вообще продолжать жить жизнью человека, которого не помню.

— А если он вам не понравится?

— Начну заново.

— Так просто?

— Нет. Поэтому и звучит хорошо.

Мэд некоторое время молчала.

— Я не умею начинать заново, — сказала Мэд. — Просто

лечу дальше, пока прежняя жизнь не становится слишком далёкой.

В её голосе впервые появилась усталость. Витторио не успел спросить, от чего она улетает. Внизу Нейра сняла с шеи тонкую цепочку и вложила что-то в ладонь Элиаса. Элиас поднялся на корабль перед закрытием шлюза.

— Забыл попрощаться?

— В моём возрасте прощания лучше не затягивать. Люди начинают подозревать, что ты знаешь больше них.

Он протянул небольшой предмет. Это была простая металлическая пластинка с круглым отверстием и едва заметным рисунком из пересекающихся линий.

— От Нейры.

— Что это?

— Она сказала, что не знает. Ещё сказала, что ты поймёшь, когда понадобится.

Пластинка была тёплой, хотя Нейра стояла на холоде.

— Почему она не отдала сама?

— Потому что тогда пришлось бы объяснять, почему вещь оказалась у неё.

— А она не хочет?

— Возможно, не может.

За окном Нейра уже была без светлого пальто и украшений. Она мёрзла, обнимая себя руками, но не уходила. Витторио поднял пластинку. Нейра кивнула. Начался дождь; она даже не попыталась укрыться. Шлюз пошёл на закрытие.

— Она останется в Орфее?

— Не знаю, — ответил Элиас. — Нейра редко остаётся там, где её уже заметили. Некоторые люди боятся, что, если их увидят настоящими, красивая версия перестанет работать.

В сужающемся проёме Нейра прижала ладонь к груди — как женщина из видения. Затем створки сошлись. Элиас неожиданно крепко обнял Витторио.

— Не позволяй чужой уверенности заменить собственные вопросы.

— Вы говорите о Мэд?

— Я говорю обо всех. Особенно о тебе.

Через несколько минут «Ариадна» поднялась над Орфеем. В обзорном зале рядом стояла Мэд. Дома и озеро уменьшались; Витторио искал среди людей Нейру, пока расстояние не сделало поиск бессмысленным.

— Жалеете?

— Пока рано.

— Вы всегда откладываете сожаления?

— Стараюсь. Они редко помогают в начале пути.

За атмосферой звёзды стали острыми и неподвижными. Переходное окно не раскрыло пространство — оно заставило его перестать вести себя правильно. Свет вытянулся в линии, согнулся в круг, внутри которого не было ни света, ни темноты.

— Первый переход безопасен?

— В разумных пределах.

— После знакомства с вами эта фраза звучит угрожающе.

Мэд протянула ему руку.

— Во время первого перехода лучше держаться за что-нибудь настоящее.

— Корабль недостаточно настоящий?

— Иногда человек полезнее.

Он взял Мэд за руку. Браслет под рукавом вспыхнул. В переходе исчезла граница тела: Витторио оказался одновременно в зале, среди звёзд и внутри сети тысяч миров. Страх незнакомых существ, смех детей, океаны, дыхание городов — и один знакомый голос среди множества:

— Он сделал первый шаг.

— Рядом не та женщина.

— Пока должна быть она.

— А другая?

— Она уже связана с ним.

— Он этого не помнит.

— Поэтому связь остаётся свободной.

— А если он выберет неверно?

— Тогда любовь не станет оправданием.

Последняя фраза прозвучала громче. Переход оборвался прежде, чем он успел спросить, кто говорит. Мэд всё ещё держала его за руку.

— Вы побледнели.

— Первый раз всегда такой?

— Нет.

— Успокаивает.

Она улыбнулась и не сразу отпустила его пальцы. На экране появилась карта следующего участка. Почти одновременно «Ариадна» сообщила:

— Получено изменение маршрута через незарегистрированный внешний канал.

Сара Морита немедленно появилась в системе связи.

— Мэд, что происходит?

— Новые сведения о втором переходе.

— Источник?

— Союзный.

— Идентификация?

— Защищена дипломатическим соглашением.

— Маршрут не будет изменён без проверки.

Мэд посмотрела на Витторио. Просьба довериться ей перестала быть разговором: первый выбор уже стоял перед ними.

— «Ариадна», проложи новый маршрут.

— Команда противоречит решению Совета.

— Ответственность принимаю на себя.

— Это уже происходило, — неожиданно сказал Витторио.

Мэд повернулась к нему.

— Что именно?

Новая траектория огибала нестабильность и проходила через участок, который система называла почти безопасным.

В памяти вспыхнули голоса из перехода, но слова уже распадались.

— Не знаю. Просто кажется, что мы повторяем чьёто прежнее решение.

— Хорошее или плохое?

— Если бы я знал, это не было бы ощущением.

Мэд подошла ближе.

— Мне нужно ваше мнение.

Он видел уверенность Мэд, закрытый источник, запрет Совета и маршрут, который мог спасти их или привести в ловушку. Истории ещё не было — только факты, слишком удобно указывавшие в одну сторону.

— Не принимайте маршрут как приказ. Считайте его свидетельством. Пусть «Ариадна» выяснит, почему источник выбрал именно эту траекторию.

Мэд улыбнулась.

— Третий вариант.

— Я начинаю подозревать, что именно за это меня и взяли.

Анализ подтвердил: маршрут обходил одну угрозу, но вёл рядом с системой, отсутствующей на человеческих картах.

— Что там?

Мэд смотрела на экран. На её браслете появился тот же знак, который он видел во время синхронизации.

— Там живёт народ, приславший предупреждение.

— Ваш знакомый?

— Да.

— Как его зовут?

Мэд помолчала.

— Каэль Тардо.

Имя прозвучало мягче остальных слов Мэд. Витторио услышал благодарность союзнику и не стал искать другого смысла. Одна интонация ещё ничего не доказывала.

— Он ждёт нас?

— Нет. По крайней мере, не должен.

На экране появилась неизвестная звезда. Что-то огромное прошло перед ней, заслонив свет. Внешний канал активировался снова — теперь сообщение увидел весь экипаж:

«НЕ ВХОДИТЕ В СИСТЕМУ. ОНИ УЖЕ ЗНАЮТ, ЧТО КРОССРОАД ПРОСНУЛСЯ».

Пальцы Витторио сами сжали пластинку Нейры. На металле появилась световая линия, сложилась в семёрку и погасла. Теперь это уже не могло показаться просто любимым числом чужого архива.

Глава 5. Система без имени

Предупреждение не исчезало с главного экрана — короткое, без подписи и потому ещё более опасное.

НЕ ВХОДИТЕ В СИСТЕМУ. ОНИ УЖЕ ЗНАЮТ, ЧТО КРОССРОАД ПРОСНУЛСЯ.

На мостике молчали. За прозрачной стеной вращалась неизвестная звезда, окружённая тёмным кольцом. Это была не планетарная система: тысячи объектов шли по одной орбите с безупречными интервалами, как части механизма, построенного вокруг светила.

— Источник сообщения установлен? — спросила Мэд.

— Сообщение прошло через канал, которым прежде пользовался Каэль. Подпись отправителя не совпадает с его подтверждённой сигнатурой.

— Значит, Каэль его не отправлял, — сказал Йонас.

— Или его подпись удалили, — возразила Саана. — Или канал скопировали. Пока доказано только происхождение канала, не автора.

Мэд упёрлась ладонями в край навигационного стола. Чем серьёзнее становилась угроза, тем спокойнее она выглядела: страх для неё был задачей, которую ещё не успели разложить на действия. Витторио начинал понимать, почему это спокойствие притягивало его. Оно не обещало безопасности — рядом с Мэд безопасность вообще казалась статистической

аномалией, — зато не позволяло опасности решать за них.

— Мы можем развернуться?

— Можем, — ответил Итан. — Но обратный переход станет доступен только через девятнадцать минут. До этого кораблю придётся оставаться в зоне наблюдения системы.

— Если нас хотели остановить, предупреждение опоздало: девятнадцать минут мы всё равно останемся в пределах системы.

— Или точно вовремя, чтобы заставить нас изменить маршрут, — сказала Мэд.

Витторио посмотрел на неё.

— Вы думаете, нас пытаются отвести от чего-то?

— Предупреждение — тоже действие. Оно не только сообщает об опасности, но и подталкивает к выбору.

— И какой выбор от нас ожидают?

— Развернуться. Или войти в панике и перестать задавать вопросы.

Мэд увеличила изображение системы. Вокруг звезды появились три планеты, несколько небольших спутников и широкое кольцо искусственных объектов. Большинство из них не излучали энергию.

— «Ариадна», остановись за пределами внешней орбиты. Никаких активных сканирований. Только пассивное наблюдение.

— Принято.

Сара Морита всё ещё оставалась на связи с кораблём.

— Мэд, Совет рекомендует дождаться подтверждения источника сообщения.

— Если подтверждение придёт через тот же канал, мы всё равно не сможем ему доверять.

— Поэтому вы предлагаете войти?

— Я предлагаю понять, куда именно нас просят не входить, прежде чем принимать чужой страх за приказ.

— Именно за это мне и платят.

— Вам не платят.

— Тогда я имею право делать это плохо.

По мостику прошёл тихий смех. Даже Сара улыбнулась, хотя почти сразу снова стала серьёзной.

— Решение остаётся за командиром. Но при первом признаке внешнего воздействия вы отходите.

— Разумеется.

Связь прервалась. Витторио посмотрел на Мэд.

— Вы собираетесь выполнить обещание?

— Какое именно?

— Отойти при первом признаке воздействия.

— Конечно.

— Почему мне кажется, что мы по-разному определяем слово «первый»?

Она повернулась к нему.

— Потому что начинаете меня понимать.

В её глазах мелькнуло веселье. На секунду броня исчезла, и Витторио увидел не командира, а живого человека, кото-

рому тоже страшно и который всё равно идёт дальше.

«Ариадна» погасила внешние огни и почти прекратила излучение. Тёмное кольцо распалось на миллионы зеркал, станций и коллекторов — от размеров корабля до небольшого города. Большая часть сети не работала: потухший оркестр, навсегда застывший перед следующей нотой.

— Это старая звёздная оболочка, — сказал Ашер. — Незавершённая. Или разрушенная.

— Кто её построил?

— На человеческих картах система отсутствует. Но технология напоминает конструкции сородичей Каэля.

Мэд бросила на него быстрый взгляд.

— Народа Каэля?

— Да. Хотя современные его сородичи давно не строят подобных систем.

— Насколько давно?

— По предварительной оценке, кольцу больше тысячи лет.

Браслет Мэд не отзывался. Она рассматривала сооружение так, будто видела его впервые. Витторио отметил это и отложил вопрос: система могла оказаться дорогой к Эвридике, ловушкой — или и тем и другим.

— Обнаружен слабый аварийный сигнал, — сообщила «Ариадна».

На карте загорелась точка у третьей планеты.

— Человеческий?

— Формат смешанный. Основа принадлежит сородичам Каэля. Внутри — человеческий код бедствия.

— Возраст сигнала?

— Передача началась три часа назад — в пределах погрешности тогда же, когда «Ариадна» впервые зарегистрировала ваш живой биосигнал.

— Станция подала сигнал, когда я поднялся на корабль?

Йонас увеличил изображение. На орбите небольшой серой планеты находилась станция, почти скрытая среди обломков. Один её модуль медленно вращался, остальные сохраняли положение.

— Повреждён энергетический контур, — сообщил он. — Центральная часть ещё герметична, но орбита снижается.

— Сколько времени?

— До входа в атмосферу — около четырёх часов.

— На станции есть живые?

Саана изучила показания. После результата синхронизации никто уже не шутил, что она читает цифры раньше приборов.

— Не меньше тридцати. Возможно, больше. Сигналы слабые.

— Тогда сначала живые. Предупреждение подождёт.

Мэд уже отдавала распоряжения. Корабль сменил курс, Йонас готовил стыковку, Саана — медицинский отсек. Никто не произнёс речи о долге: тридцать слабых сигналов мгновенно стали важнее тайны системы. Для Мэд чужая

жизнь не превращалась в строку расчёта только потому, что принадлежала незнакомому виду. Именно тогда интерес Витторио к ней стал чем-то опаснее любопытства.

— Что мне делать?

— Оставаться на корабле.

— Это приказ?

— Совет.

— Значит, можно не выполнять.

— Вы не знаете устройство станции, язык сородичей Каэля и правила работы в разреженной атмосфере.

— Зато замечаю вещи, которые остальные считают нормальными.

Мэд взглянула на него, оценивая не дерзость, а пользу.

— Вы только вчера проснулись.

— Именно поэтому у меня пока не сформировались вредные привычки будущего.

— У вас прекрасно сохранились старые.

— Они оказались качественными.

Она покачала головой.

— Хорошо. Пойдёте со мной.

— Вы быстро сдаётесь.

— Я не сдалась. Я решила, что на станции вы будете мешать мне меньше, чем здесь Йонасу.

— Благородная причина.

В подготовительном отсеке их ждали защитные костюмы. После активации тонкий материал облегал тело и твердел в

местах возможного удара. Закрепляя интерфейс на воротнике Витторио, Мэд коснулась пальцами его шеи. Он замер; она заметила.

— Больно?

— Нет.

— Тогда почему перестали дышать?

— Проверяю герметичность.

— До активации?

— Я старомоден.

Мэд не убирала рук. Вблизи исчез образ непроницаемого командира: тонкий шрам у виска, морщинки возле глаз, тёмная точка старого импланта на радужке. Перед ним была не загадка, а незнакомая живая женщина — и именно это оказалось опаснее.

— Готово, — тихо сказала Мэд.

Она отпустила воротник, но не сразу отступила.

— Спасибо.

— Не благодарите. Если костюм разгерметизируется, моей репутации будет нанесён ущерб.

— Боялся, что вы беспокоитесь обо мне.

— Это тоже возможно. Но репутация конкретнее.

В спасательный модуль вошли Саана и Ашер; Йонас остался управлять стыковкой. Станция приближалась: тёмные пластины, золотые линии и изогнутые элементы, будто конструкцию создавали не для движения, а для разговора со светом.

— Сородичи Каэля воспринимают энергию иначе, чем люди, — объяснил Ашер, тем ровным тоном лектора, который использовал для всего, что могло звучать как чудо, если бы он позволил себе удивиться. — Для них свет является не только источником питания, но и формой языка.

— Они разговаривают светом?

— Иногда. Цвет, ритм и направление могут передавать больше информации, чем человеческая речь.

— И вы это понимаете?

— Достаточно, чтобы случайно никого не оскорбить.

— А намеренно?

— Для этого нужно больше опыта.

Модуль приблизился к шлюзу станции. Стыковочные крепления не реагировали.

— Автоматика повреждена, — сказала Мэд. — Придётся открывать вручную.

— Я выйду, — предложил Ашер.

— Нет. Если внутри сородичи Каэля, ты понадобишься первым. Я открою.

— Одна?

Она посмотрела на него.

— Вы хотели быть полезным.

— Наконец-то разумный приказ.

Они вышли в открытое пространство. Над ними находилась серая планета, испещрённая длинными светлыми каньонами. Далеко внизу двигались облака. Станция враща-

лась медленно, но даже этого движения хватало, чтобы звёзды вокруг постоянно меняли положение. Витторио закрепил страховочную линию и двинулся за Мэд. В невесомости она двигалась удивительно естественно. Не делала лишних движений, не боролась с пространством, а словно договаривалась с ним. Оттолкнувшись от корпуса, Мэд пролетела несколько метров и мягко остановилась возле шлюза.

— Вы часто это делаете?

— Стараюсь не считать. Большие числа начинают звучать как диагноз.

Механизм шлюза оказался заблокирован. Золотистые линии вокруг него гасли и загорались в неправильной последовательности.

— Код изменён.

— Вы понимаете эти сигналы?

— Немного. Каэль когда-то показывал мне основные структуры.

Имя Каэля прозвучало буднично. Мэд коснулась трёх участков; линии сменили цвет, но шлюз остался закрыт.

— Неправильно?

— Или система слишком повреждена.

Он наблюдал за узором. Свет шёл по кругу, каждый раз останавливаясь в одном месте, затем начинал движение заново.

— А если это не код? Может быть, запрос. Система не ждёт правильной последовательности. Она показывает ме-

сто, откуда не получает ответ.

Мэд посмотрела на него, затем на прерывающуюся линию.

— Здесь должен быть четвёртый контакт. Но его нет.

— Значит, создадим.

Она отсоединила небольшой провод от своего костюма.

— Это безопасно?

— Нет.

— Хорошо, что я уточнил.

— Зато теперь вы будете осознанно участвовать в плохом решении.

Вместе они закрепили провод между двумя контактами. Золотистая линия вспыхнула, прошла по шлюзу и остановилась у ладони Мэд. Она прижала руку к поверхности. Дверь открылась. Воздух вырвался наружу, но защитное поле удержало большую часть атмосферы. Мэд схватила Витторио за предплечье и втянула внутрь прежде, чем вращение станции отбросило их в сторону. Они упали на пол шлюза. Несколько секунд оба лежали неподвижно.

— Это входило в план?

— Конечно.

— Какая часть?

— Та, где мы оказались внутри.

Они рассмеялись, лёжа в шлюзе падающей станции. Смех был неуместен — и потому возвращал ощущение, что они ещё живы.

Саана и Ашер присоединились к ним после восстано-

ния давления. Внутри станции было темно. Золотистые линии вдоль стен мерцали, указывая направление, однако большая их часть обрывалась.

— Сигналы жизни впереди, — сообщила Саана. — Центральный зал, два уровня ниже.

Коридор то сужался, заставляя идти боком, то раскрывался залами в десятки метров высотой. Первого выжившего нашли у перехода между уровнями: высокое тонкое существо с серебристыми глазами прижимало к груди светящийся шар. Кожа отражала окружающие цвета, вдоль висков тянулись полупрозрачные пластины. Витторио узнал фигуру из видения и остановился.

— Это сородич Каэля, — тихо сказал Ашер. — Молодой.

Существо подняло голову. Пластины у висков вспыхнули бледно-синим светом. Ашер ответил короткой последовательностью жестов и цветов, используя браслеты на запястьях.

— Он спрашивает, пришла ли Мэд.

Все посмотрели на неё. Мэд приблизилась и опустилась на колено.

— Я здесь.

Юный сородич Каэля коснулся её браслета. Символы на нём вспыхнули, и лицо существа немного расслабилось.

— Он знал, что вы будете здесь?

— Возможно, узнал сигнатуру Каэля на браслете, — ответил Ашер. Но существо назвало Мэд раньше, чем прикос-

нулось к устройству.

Объяснение подходило не полностью. Витторио отложил вопрос: перед ними был раненый, дальше — десятки других.

Центральный зал оказался заполнен людьми и сородичами Каэля. Несколько десятков существ сидели вокруг большого светового ядра, почти полностью погасшего. Среди них были дети. Некоторые сородичи Каэля выглядели как взрослые, но их пластины светились неуверенно и часто меняли цвет. Ашер заговорил с ними. Ответ пришёл сразу от нескольких существ, образуя сложную последовательность света.

— Станция перевозила архив и переселенцев, — перевёл Ашер. — Они ушли из внутренних миров после конфликта. Энергетический контур разрушился сразу после неизвестного запроса доступа.

— Откуда пришёл запрос?

Ашер повторил вопрос. Ответившие пластины вспыхнули тревожным белым.

— Из-за пределов системы. Отправитель удалён. Сохранилась только человеческая архивная контрольная сумма. «Ариадна» сравнивает её сейчас.

Над ядром появилась строка: СОВПАДЕНИЕ С АРХИВНЫМ ПРОФИЛЕМ ВИТТОРИО КРОССРОАДА — 96,8%. ЖИВОЙ БИОСИГНАЛ НЕ СОВПАДАЕТ. Витторио перечитал её дважды. Кто-то открыл древний узел его официально мёртвой личностью — и едва не убил тех, кто находился

внутри.

— Можно восстановить орбиту?

Мэд изучила показатели.

— Основные двигатели отключены. Резервной мощности хватит либо на стабилизацию станции, либо на защитное поле вокруг зала. Не на оба контура.

— Сколько времени займёт эвакуация?

— Больше, чем у нас есть, — ответила Саана. — Среди них раненые. Некоторых нельзя переносить без оборудования.

Мэд молчала ровно столько, сколько требовалось, чтобы принять цену решения.

— Тогда восстановим двигатели.

— Для этого придётся отключить поле, — сказал Йонас по связи. — В зале упадёт температура и начнёт уходить воздух.

— Насколько быстро?

— До критического уровня — за восемь минут.

— Ремонт займёт не меньше пятнадцати.

— Тогда перестанем выбирать между двумя способами погибнуть и найдём третий, — сказал Витторио.

На схеме энергия расходилась от ядра к полю, двигателям и архиву. Питание уходило в секции, где не было живых тел.

— Почему архив не отключён?

Ашер перевёл вопрос. Сородичи Каэля ответили вспышками света.

— Они не могут его отключить. Архив содержит память

погибших. Для них это не данные, а продолжающееся присутствие.

— То есть отключить архив для них равносильно убийству?

— Примерно.

Мэд смотрела на карту. Витторио видел момент, когда решение большинства могло стать простым — и именно поэтому опасным.

— Если забрать энергию архива, мы спасём живых, но уничтожим память тысяч умерших.

— А если не забрать, погибнут все, — сказал Йонас.

Сородичи Каэля слышали перевод и засияли тревожным красным светом. Несколько взрослых прижали к себе детей. Мэд закрыла глаза на секунду.

— Они не согласятся.

— А вы?

— Я не стану принимать за них решение о том, кого считать живым.

Мэд могла отключить архив и назвать это спасением большинства. Вместо этого признала: чужое представление о жизни не обязано совпадать с человеческим. Уважение Витторио стало ещё опаснее притяжения.

Витторио подошёл к световому ядру. Оно пульсировало неровно. Каждая вспышка расходилась по залу и возвращалась ослабевшей.

— Архив и поле используют одну энергию?

— Да, — ответил Йонас.

— Одинаково расходуют? Архив хранит память. Ему нужна постоянная мощность?

— Не обязательно. Но при отключении потеряется активная структура.

— А если не отключать, а замедлить?

Ашер посмотрел на него.

— Сородичи Каэля воспринимают память как непрерывный процесс. Замедление изменит её.

— Но не уничтожит.

— Возможно.

Витторио повернулся к Мэд.

— Не отключайте архив. Замедлите его: одна секунда памяти на пятнадцать наших минут.

Йонас замолчал.

— Теоретически возможно, — сказал он наконец. — Память сородичей Каэля основана на световых циклах. Если растянуть интервал между импульсами, потребление снизится.

— Насколько?

— Возможно, достаточно.

Ашер объяснил предложение выжившим. Зал наполнился сложными переливами света.

— Они боятся, что память изменится.

— Она изменится, — сказал Витторио. — Но уничтожить память ради того, чтобы она осталась прежней, — худший

способ её сохранить.

— Для них это недостаточный аргумент.

Мэд подошла к юному сородичу Каэля, которого они нашли в коридоре. Он держал светящийся шар и смотрел на неё серебристыми глазами. Она говорила медленно, а Ашер переводил:

— Если мы ничего не сделаем, память погаснет вместе с вами. Если замедлим её, она проснётся позже и, возможно, увидит мир немного иначе. Но увидит.

Существо спросило что-то короткой синей вспышкой.

— Он спрашивает, вернётся ли прежний свет.

Мэд посмотрела на Витторио.

— Прежний свет не возвращается. Но следующий всё равно будет вашим.

Ашер перевёл. Молодой сородич Каэля коснулся светового шара и передал решение остальным. Они согласились.

После согласия зал превратился в работающий механизм. Йонас перераспределял энергию с «Ариадны», Ашер менял с выжившими циклы архива, Саана готовила раненых к холоду. Мэд и Витторио пошли к двигателям через сектор без гравитации, с леденеющими стенами и уходящим воздухом. С замедлением архива начался обратный отсчёт.

— Восемь минут, — сообщила «Ариадна».

— Вы умеете сообщать хорошие новости?

— Да. На данный момент вы ещё живы.

— Не могу спорить.

Они двигались вдоль энергетической линии. В одном месте проход оказался перекрыт обломком металлической конструкции. Мэд попыталась сдвинуть его, но он не поддался.

— Обойдём через внешний контур.

— Потеряем три минуты.

— Здесь нет другого пути.

Витторио осмотрел обломок. Конструкция упиралась в стены только двумя краями.

— Если перестать толкать и повернуть?

— Она закреплена.

— Нет. Она сама себя удерживает под нагрузкой.

Они закрепили трос и изменили направление тяги. Обломок, державшийся собственной нагрузкой, повернулся почти без сопротивления и открыл проход.

— Когда вернёмся, я запрещаю вам говорить, что вы ничего не понимаете в технологиях.

— Тогда придётся найти другое оправдание моим ошибкам.

— Не переживайте. Я помогу.

В двигательном отсеке было почти темно. Центральный распределитель погас, вокруг него мерцали лишь аварийные линии.

— Пять минут, — напомнила «Ариадна».

Мэд открыла панель. Внутри находились десятки световых каналов, соединённых в сложный узор.

— Каэль показывал вам и это?

— Нет. Он считает, что человеческое вмешательство портит хорошую технику.

— Мудро.

— Я тоже так считаю, когда рядом Йонас.

По связи немедленно раздался его голос:

— Я всё слышу.

— Значит, система работает.

Мэд работала без притворной всезнающей уверенности: спрашивала, когда не понимала, и меняла решение сразу после ошибки. Под давлением времени это было важнее безошибочности.

— Три минуты.

— Контур не запускается.

— Почему?

— Не хватает обратной связи от архива. После замедления система считает, что центральное ядро отключено.

— Можно обмануть её?

— На несколько секунд.

— Нам больше и не нужно.

Мэд посмотрела на него.

— Если импульс не пройдёт, распределитель перегорит окончательно.

— А если ничего не делать?

— Станция войдёт в атмосферу.

— Тогда безопасного решения нет. Есть только риск, который оставляет кому-то шанс.

— Вы всегда так спокойно говорите о плохих решениях?

— Нет. Иногда кричу. Но здесь костюм мешает выразительности.

Мэд рассмеялась. Смех быстро оборвался, но в глазах осталось тепло.

— Держите линию здесь.

Витторио прижал контакт. Мэд наклонилась рядом, почти касаясь его плечом. Температура продолжала падать. На прозрачных щитках костюмов появился лёд.

— Две минуты.

— Когда скажу, отпустите контакт.

— Через сколько?

— Когда почувствуете, что он начал нагреваться.

— Насколько?

— До того, как прожжёт перчатку.

— Очень точная инструкция.

— Вы хотели приключений.

— Я хотел ответы.

— Это одно и то же. Только ответы обычно опаснее.

Она включила импульс. Свет прошёл по линиям, двигатель вздрогнул. Контакт в руке Витторио начал нагреваться почти сразу — но ещё раньше тело уже велело разжать пальцы. Он удержал их, потому что Мэд продолжала смотреть на показатели.

— Ещё. Он уже горячий.

— Ещё немного.

Костюм предупредил о повреждении внешнего слоя.

— Мэд.

— Сейчас.

Она смотрела не на обжигающий его контакт, а на двигатель. Витторио понял: ещё мгновение — и Мэд выберет станцию, даже если цена останется на его руке.

— Отпускайте!

Витторио убрал руку. Контакт вспыхнул и расплавился. На мгновение всё погасло. Затем двигатель ожил. По станции прошла мощная вибрация. Энергия вернулась в основные контуры, орбита начала стабилизироваться.

— Двигатели запущены, — сообщила «Ариадна». — Вход в атмосферу предотвращён.

Мэд опустилась на пол и прислонилась спиной к стене.

— Я знала, что получится.

— Конечно.

— Не верите?

— Верю. Именно поэтому вы не дышали до самого запуска.

Мэд сняла шлем. Волосы прилипли ко лбу; она была уставшей, замёрзшей и счастливой — лицо человека, который выиграл спор со смертью и ещё не успел испугаться. Витторио снял шлем следом.

— Ваша рука.

Перчатка почернела в месте контакта. Когда он снял её, на ладони остался ожог.

— Ничего серьёзного.

Мэд взяла его руку обеими ладонями.

— Вы всегда говорите «ничего», когда нужно вызвать врача?

— Только рядом с людьми, которые начинают беспокоиться.

— Не льстите себе. Я беспокоюсь о способности экипажа держать инструменты.

Она не отпускала его обожжённую руку. Саана требовала немедленно вернуться, Йонас перечислял параметры орбиты, корабль предупреждал о холоде. Между командами и тревогами возникла короткая тишина, в которой отступить было уже некуда.

— Вы дрожите, — тихо сказала Мэд.

— Холодно.

— Лжёте.

— Иногда.

Он наклонился первым. Первое прикосновение губ было вопросом; Мэд ответила, положив ладонь ему на затылок. Витторио не помнил прежних поцелуев и впервые не захотел искать их за закрытой дверью памяти. Настоящего оказалось достаточно.

Мэд отстранилась, всё ещё удерживая его руку.

— Это последствия кислородного голодания.

— Разумеется.

— Саана подтвердит.

— Надеюсь, лечение не предусмотрено.

— Боюсь, состояние необратимо.

Витторио улыбнулся. Связь с кораблём снова ожила.

— Напоминаю, — произнесла «Ариадна», — что технический отсек не предназначен для действий, не связанных с ремонтом.

Мэд подняла голову.

— Ты наблюдала?

— Я контролирую состояние экипажа.

— И?

— Состояние двух участников временно улучшилось.

Витторио рассмеялся.

— Мне действительно нравится ваш корабль.

— Взаимность по-прежнему оценивается, — ответила «Ариадна».

Они вернулись в центральный зал. Температура поднималась, замедленный архив светился устойчиво. Молодой сородич Каэля коснулся ладони Витторио; его височные пластины вспыхнули мягким золотом.

— Что он говорит?

Ашер улыбнулся.

— Он говорит, что память согласилась подождать живых.

— Красиво.

— Сородичи Каэля редко разделяют красоту и точность.

Выживших перевели на «Ариадну», часть осталась ремонтировать стабилизированную станцию. Перед отлётом

молодой сородич Каэля передал Мэд световой кристалл. Когда она поднесла его к браслету, внутри появились символы старых путей.

— Что это?

— Доступ к архиву станции. Возможно, там есть карта старых путей к Эвридике.

— Значит, мы всё-таки нашли причину войти.

— Или причина нашла нас.

Они вернулись на корабль последними. В медицинском отсеке Саана обработала ожог Витторио и строго запретила пользоваться рукой несколько часов.

— Это серьёзно ограничит мои возможности.

— Какие именно?

— Пока не знаю. Но само ограничение оскорбительно.

Мэд сидела напротив: тёмная полоса на щеке, растрёпанные волосы, длинная царапина на рукаве. Витторио смотрел на неё и думал, что никогда не видел ничего красивее. Она заметила.

— Что?

— Ничего.

— Вы снова используете запрещённое слово.

— Тогда скажу иначе. Мне нравится, как вы выглядите после катастроф.

— Очень специфический вкус.

— У меня мало материала для сравнения.

Она поднялась и подошла ближе.

— Не беспокойтесь. Мы быстро это исправим.

На этот раз Мэд поцеловала его первой — без холода, аварии и необходимости что-либо спасать. Просто потому, что хотела. Для Витторио мир на несколько мгновений сократился до её выбора, и впервые это не испугало его.

В обзорном зале «Ариадна» развернула данные кристалла. Старый путь шёл через неизвестную систему к Эвридике. Рядом повторялся знак с браслета Мэд. В журнале доступа станции сохранилась ещё одна деталь: архивный ключ Витторио появился в сети задолго до того, как живой Витторио вошёл в неё.

— Каэль знал об этом пути?

— Возможно. У сородичей Каэля много старых маршрутов, о которых они предпочитают не рассказывать.

— Почему?

— Некоторые дороги существуют только до тех пор, пока о них знают немногие.

Закрытость Мэд больше не казалась ему доказательством обмана. Витторио решил не требовать всей правды сразу: сам он пока не мог предложить ей даже собственного прошлого. Решение было справедливым — и удобным. Он не заметил разницы.

— Новый маршрут короче на два перехода.

— И опаснее?

— Разумеется.

— Тогда зачем вы уточняете?

— Хотела убедиться, что вы не разочарованы.

— Пока нет.

Она переплела пальцы с его пальцами. Внешний канал активировался, и на экране появилось первое подтверждённое сообщение Каэля после перехода.

ТЫ НАШЛА ЕГО. НЕ ПОЗВОЛЯЙ ЕМУ ДОЙТИ ДО ЭВРИДИКИ.

Мэд закрыла канал прежде, чем Витторио обернулся. В журнале остался факт подтверждённой связи — но не текст, который она спрятала.

— Что-то важное?

Мэд несколько секунд смотрела на него.

— Каэль подтвердил, что старый путь существует.

Это была не вся правда. В голосе Мэд звучал страх потерять человека, которого она знала всего несколько дней. Именно поэтому ложь казалась ей защитой, а не предательством.

— Всё хорошо?

— Сейчас — да.

За окном снова зажигалась станция, импульс за импульсом пробуждая замедленную память. «Ариадна» легла на путь к Эвридике. Витторио держал Мэд, уверенный, что настоящее наконец принадлежит ему, — и не знал, что она уже начала решать, какого будущего ему не позволить. Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Сегодня едва не погибли тридцать живых существ.

Станцию вывел из строя запрос, совпавший с архивным профилем человека, которым считаюсь я, но не с моим живым биосигналом. Значит, моя мёртвая личность действует отдельно от меня — или кто-то действует ею. Мэд доверилась мне во время ремонта, но скрыла последнее сообщение. Первое предупреждение прошло через канал Каэля, однако автор не подтверждён; второе подписал Каэль. Не соединять их без доказательств. Я доверяю Мэд. Но доверие — не то же самое, что понимание.

Глава 6. Дорога, которой нет

На следующее утро «Ариадна» пахла чужой едой. В саду переселенцы собрали вокруг воды плоские нагревательные пластины; в прозрачных сосудах серебристая масса становилась золотой. Пахло хлебом, дождём и чем-то острым. Йонас смотрел на пищевой блок, как на неизвестную форму жизни, обнаруженную в собственном холодильнике.

— Они изменили параметры пищевого блока, — сказал он.

— Похоже, в лучшую сторону.

— Система рассчитана на человеческий рацион.

— Теперь на корабле не только люди.

— Я знаю.

— Тогда почему вы говорите это так, будто они проникли сюда обманом?

— Потому что вчера я оставил пищевой блок в идеальном состоянии.

— Идеальное состояние — это когда им никто не пользуется?

— Иногда да.

Молодой сородич Каэля, найденный на повреждённой станции, заметил Витторио и поднял светящийся шар. Пластины у его висков вспыхнули тёплым жёлтым цветом.

— Он рад вас видеть, — сказал Ашер, сидевший рядом с

группой переселенцев. — Я начинаю узнавать цвета.

— Не обольщайтесь. Он также сообщил, что ваша одежда выглядит печально.

Витторио осмотрел тёмный корабельный костюм.

— У него хороший вкус.

Саэль протянул светящийся шар. Внутри возникли станция, корабль и две человеческие фигуры возле двигателя — синяя и золотая.

— Это мы с Мэд?

Ашер перевёл вопрос. Он ответил несколькими вспышками.

— Он говорит: «Двое, которые заставили память ждать».

— Звучит лучше большинства должностей.

— У сородичей Каэля имя часто описывает событие, после которого человека заметило сообщество.

— Значит, раньше у него не было имени?

— Было личное обращение. Но после значимого события может появиться второе.

Витторио присел перед юным сородичем Каэля.

— А как теперь зовут тебя?

Существо коснулось светового шара. В нём возникли две последовательности: короткая синяя вспышка и длинная золотая. Ашер попытался подобрать человеческое звучание.

— Саэль. Ближе всего будет Саэль.

— Рад знакомству, Саэль.

При рукопожатии шар вспыхнул. Серебристая бабочка

вылетела из-за плеча Витторио и опустилась на него; височные пластины Саэля залило золотым светом. Даже Йонас отвернулся от пищевого блока.

— Кажется, вы только что совершили выдающийся дипломатический жест, — сказал Ашер.

— Я ничего не делал.

— Лучшие жесты иногда именно такие.

Свет прошёл сквозь крылья бабочки и рассыпался серебристыми отражениями. Дети потянулись к бликам. Витторио впервые после пробуждения несколько минут не думал о собственной памяти — облегчение почти испугало его.

— Я искала вас.

Мэд стояла у входа без командирских знаков, с распущенными влажными волосами. Без плаща, шлема и чужих жизней на весах она выглядела просто

женщиной, которой сегодня повезло проснуться в хорошем настроении.

— Надеюсь, не для ремонта очередной станции.

— Пока нет. Но день только начался.

Саэль заметил её и поднял шар. Внутри снова появились две фигуры. Мэд подошла и посмотрела на изображение.

— Он сделал меня выше.

— Возможно, это знак уважения.

— Или точное наблюдение.

— Я не уверен, что вы выше меня.

Она встала рядом, почти касаясь его плечом.

— Проверим позже.

Простая фраза изменила воздух между ними. В веселье Мэд стало меньше защиты; оба это заметили и не отступили.

— Что вы хотели показать?

— Архив станции закончил первичное восстановление. Мы нашли маршрут, в котором уже присутствует ваш архивный ключ.

— К Эвридике?

— Возможно.

— Хорошее слово для начала путешествия.

— Есть проблема.

— Теперь звучит убедительнее.

В навигационном зале световой кристалл строил не карту, а сеть меняющихся пятен. Они соединялись и распадалась в зависимости от того, кто находился рядом.

— Это не координаты, — сказал Йонас. — Маршрут исчезает при каждом обычном расчёте. Но один его узел подписан той же контрольной суммой, которой открыли станцию: архивным профилем Кроссрода.

— Потому что вы пытаетесь определить, где он находится, — объяснил Ашер. — Старинные пути народа Каэля строились иначе.

— Насколько иначе?

Ашер указал на два световых пятна.

— Начало и конец недостаточны. Путь возникает, только когда два независимых наблюдателя одинаково выбирают

направление.

— Они должны увидеть одно и то же?

— Нет. Они должны согласиться, куда идти, не переставая видеть по-разному.

— Почему двое?

— Один наблюдатель создаёт намерение. Двое создают путь. Архивный ключ может обозначить, кого ждут, но не способен заменить второй свободный выбор.

— Красиво.

— То есть его мёртвая личность была вписана в дорогу заранее, — сказал Йонас. — А живого Кроссрода одного всё равно недостаточно. Неудобная технология и ещё более неудобный вопрос.

Мэд стояла по другую сторону стола.

— Саэль считает, что маршрут откроется для нас, — сказала Мэд.

— Почему именно для нас?

Ашер перевёл ответ Саэля, наблюдавшего из угла зала.

— Потому что на станции вы предложили решение, которого ни один из вас не мог создать отдельно. Но почему путь уже знал профиль Витторио, Саэль объяснить не может.

На станции они действовали именно так: Витторио замечал третий вариант, Мэд превращала его в поступок. По отдельности каждый остался бы перед ложным выбором. Это объясняло, почему дорога требовала их обоих, — но не кто вписал в неё имя Витторио до его пробуждения.

— Что нужно делать?

Йонас открыл проход в небольшую камеру за навигационным залом.

— Войти туда и попытаться не поспорить.

— Это может оказаться сложнее ремонта станции, — сказала Мэд.

— Особенно с вами.

— Я командир.

— Именно это и вызывает опасения.

Камера была круглой и почти пустой. В центре находились две низкие платформы, обращённые друг к другу. По стенам тянулись золотистые линии технологии народа Каэля, соединённые с корабельной системой временными человеческими кабелями.

— Выглядит безопасно.

— Мы использовали только лучшие неизвестные технологии.

— Теперь действительно спокоен.

Мэд сняла браслет и положила его на стол у входа. Движение было неожиданным.

— Он будет мешать?

— Может исказить световую структуру.

Она сказала это слишком легко. На запястье под снятым браслетом остался светлый след многолетней привычки. Витторио отметил его прежде, чем они заняли платформы.

— Каждый увидит собственную версию пути, — объяс-

нил Ашер. — Не добивайтесь одинаковых образов. Для создателей точное совпадение означало подчинение одного сознания другому, а не согласие.

— Как тогда понять, что мы выбрали одно направление?

— Не знаю.

— Отличный инструктаж.

— Древние создатели пути полагали, что люди, способные открыть его, сами поймут разницу.

— А если не поймут? — спросила Мэд.

— Маршрут закроется.

— Последствия?

Йонас ответил после короткой паузы:

— Вероятно, никаких.

— Слово «вероятно» становится традицией корабля.

Золотые линии на стенах вспыхнули. Камера исчезла.

Камера исчезла. Витторио стоял у тёмного моря под огромным светящимся кольцом. Мэд была рядом, но по её взгляду он понял: она видит другое место.

— Где вы?

— На мосту.

— Над чем?

— Над городом. Но города нет на картах.

— Я у моря.

— Значит, мы уже не согласны.

— Возможно, согласие не в месте.

Перед Витторио возникли две дороги. Одна шла вдоль бе-

рега к далёкому свету. Другая уходила в воду, хотя под поверхностью не было видно опоры.

— Я вижу два пути.

— Я тоже.

— Один выглядит разумным?

— Да.

— Значит, выберем другой.

Мэд рассмеялась. Море на секунду стало мостом, и Витторио увидел далеко внизу её город. Их пространства впервые коснулись.

— Почему другой?

— Потому что разумный путь видим каждому из нас отдельно. Значит, он существовал до того, как мы вошли.

— А второй?

— Появился только сейчас.

Мэд сделала шаг. В её мире это был шаг по мосту. В мире Витторио она вошла в воду, но не провалилась. Под её ногой возник круг света.

— Вы идёте за мной?

— Вы впервые спрашиваете.

— Не привыкайте.

Он шагнул следом, и вода стала твёрдой. Их миры наложились, но не слились: Витторио слышал море, Мэд — ветер между башнями. Она превращала найденную возможность в движение; он останавливал её там, где разные дороги оказывались одним ложным выбором. Путь держался не потому,

что они стали единым целым, а потому, что оставались двумя и всё же выбирали один шаг.

— Теперь понимаю, почему Саэль решил, что это получится.

— Потому что вы не умеете останавливаться, а я не умею идти по прямой?

— Идеальное сочетание.

— Опасное.

— Лучшие сочетания почти всегда такие.

Дорога привела их к двери. В мире Витторио она стояла посреди моря. В мире Мэд — висела в воздухе между двумя башнями. На поверхности не было ручки, кода или замка.

— Это конец маршрута?

— Нет. Это место, где мы должны решить, зачем идём дальше.

— Чтобы найти Эвридику.

Дверь не открылась.

— Похоже, этого недостаточно.

— Чтобы узнать, что случилось с экспедициями.

В двери отражались не лица, а память. Витторио увидел капсулу, женскую ладонь на стекле и запись Сааны: его тело отреагировало раньше случайного стимула. Затем — Мэд после спасения станции,

усталую, растрёпанную, смеющуюся. В её отражении вспыхнул скрытый канал Каэля. Мэд резко вдохнула.

— Что там?

— То, что я не собиралась показывать.

— Я не вижу вашего отражения.

— Но дверь видит.

— Возможно, этого достаточно.

Мэд приблизилась.

— Зачем вы идёте дальше?

Вопрос уже не был об Эвридике. Прошрое, причина пробуждения, утраченная жизнь — всё это оставалось правдой, но дверь не принимала ответы, которые можно было дать, ничего не открывая о себе.

— Потому что впервые после пробуждения я выбираю не только куда идти, но и с кем.

Уверенность Мэд исчезла. Она привыкла первой входить в опасность, но не умела первой входить туда, где боль мог причинить один конкретный человек.

— А если вы вспомните другую жизнь? Людей, которых любили. Женщину, к которой захотите вернуться.

— Тогда мне придётся решить, кем я являюсь сейчас.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Вы можете однажды понять, что всё происходящее здесь было лишь попыткой заполнить пустоту.

Витторио подошёл ближе.

— Возможно.

Она хотела отступить, но осталась на месте.

— И вас это не пугает?

— Пугает.

— Тогда почему вы всё равно здесь?

— Потому что страх не всегда означает, что нужно остановиться.

Мэд закрыла глаза на мгновение.

— Я иду дальше, потому что устала уходить первой, — сказала Мэд. Дверь услышала то, что она ещё не решалась назвать обещанием.

Дверь открылась в звёзды. Тонкая золотая линия прошла через неизвестные системы и закончилась у тёмной области с одним словом:

ЭВРИДИКА.

В тот же момент море, мост и город исчезли. Они снова находились в камере. Золотые линии горели так ярко, что стены стали почти прозрачными. На навигационном столе за перегородкой возникала новая карта. Мэд всё ещё стояла напротив Витторио.

— Получилось.

— Да.

Они смотрели друг на друга, а не на карту. Между платформами оставался один шаг; Витторио сделал его первым. Этот поцелуй уже нельзя было объяснить холодом, страхом или облегчением. Мэд положила руки ему на плечи.

— Вы уверены? — тихо спросила она.

— Нет.

Она улыбнулась.

— Хороший ответ.

— А вы?

— Ещё меньше.

— Тогда у нас снова совпало направление.

Она поцеловала его первой в этот раз — и золотая линия на карте дрогнула, будто дорога тоже это заметила. За прозрачной перегородкой Йонас демонстративно отвернулся к навигационному столу.

— Маршрут стабилен, — сообщил он слишком громко.

— Если кому-нибудь ещё интересно.

— Нам интересно, — ответила Мэд, не отстраняясь от Витторио.

— По вам не заметно.

На карте золотая линия уходила через пространства вне человеческих каталогов. Её края распадались всякий раз, когда Витторио или Мэд отдалялись. В начальном узле продолжал гореть архивный профиль Витторио — как подпись человека, который ещё не должен был существовать.

— Путь сохраняется только рядом с вами обоими, — сказал Йонас. — Стоит одному покинуть зал, крайние участки начинают распадаться.

— Значит, мы должны лететь вместе.

Технический вывод прозвучал почти как обещание — особенно после того, что Мэд только что увидела в отражении и всё ещё не объяснила.

— До самой Эвридики?

— Для начала.

Саэль подошёл к карте и коснулся одной из линий. Его пластины вспыхнули синим светом.

— Он говорит, что путь узнал вас, — перевёл Ашер.

— Пути умеют узнавать людей?

— В культуре сородичей Каэля путь является отношением между теми, кто идёт. Если меняются люди, меняется и дорога.

Мэд взяла Витторио за руку. Золотая линия на карте стала ярче.

Праздник возник без приказа. Люди принесли напиток и стеклянные стаканы, переселенцы — золотые лепёшки; дети пускали световые шары между ветвями. После дороги, существовавшей лишь для двоих, сад напоминал: лететь по ней предстояло всему кораблю.

Витторио сидел рядом с Мэд у воды. Она сняла обувь и опустила ноги в тёплый резервуар, объяснив, что после инопланетной синхронизации ей необходимо убедиться в существовании собственного тела.

— Помогает?

— Пока да.

— А если нет?

— Придётся использовать более убедительные методы.

Мэд посмотрела на него поверх стакана. За два дня Витторио улыбался чаще, чем во всех сохранившихся воспоминаниях, — и впервые задумался, не слишком ли легко насто-

ящее пользуется пустотой прошлого.

— Вы действительно ничего не помните о любви?

Вопрос прозвучал неожиданно.

— Отдельные ощущения. Иногда голос. Иногда кажется, что рядом была женщина.

— Вы любили её?

— Наверное.

— Хороший ответ для человека, который только что открыл маршрут на основании искренности.

— Искренность не требует уверенности.

Мэд провела пальцем по краю стакана.

— Вы хотите вернуть эти воспоминания?

— Да, — ответил он сразу.

Её лицо не изменилось; замер только палец на краю стакана.

— Даже если они всё изменяют?

— Я не хочу строить новую жизнь на намеренном незнании.

— Иногда незнание милосерднее.

— Но право на это милосердие принадлежит тому, кто не знает.

Мэд посмотрела на световые шары над водой.

— Я однажды потеряла человека, потому что слишком долго была уверена, что успею исправить всё позже.

Витторио не стал спрашивать имя.

— Что случилось?

— Я выбрала полёт. Он попросил остаться, а я решила, что вернусь через несколько недель и мы продолжим разговор. Когда вернулась, продолжать было уже не с кем.

— Он умер?

— Нет. Просто понял, что не хочет ждать человека, который каждый раз выбирает дорогу.

Спокойствие было слишком точным — так говорят о событиях, которые давно закончились для всех, кроме говорящего.

— Вы его любили?

— Думала, что да.

— А теперь?

— Теперь думаю, что любила возможность всегда иметь место, куда можно вернуться.

Витторио молчал. Мэд повернулась к нему.

— Это звучит хуже, чем я хотела.

— Зато честно.

— Я не всегда такая.

— Я уже заметил.

Она толкнула его плечом.

— Вы должны были сказать что-нибудь успокаивающее.

— Например?

— Что люди меняются.

— Люди меняются.

— Теперь поздно.

— Тогда придётся доказать иначе.

— Как?

— Вернуться со мной из Эвридики.

Мэд посмотрела на него долго и серьёзно.

— Вернусь.

Одно слово вместило обещание, которого Мэд обычно избегала. Витторио поверил полностью — то ли её взгляду, то ли собственному отчаянному желанию наконец иметь надёжное будущее.

Позже, когда праздник закончился, они пошли по тихим коридорам к жилым отсекам. Сородичи Каэля

спали в саду, окружённые слабым светом собственных шаров. «Ариадна» готовилась к первому участку нового маршрута. У двери каюты Мэд остановилась.

— Вам дальше.

— Знаю.

— Тогда почему не идёте?

— Возможно, забыл дорогу.

— После того как открыл путь через неизвестную часть пространства?

— Там было проще.

Она улыбнулась, но в глазах появилась та же осторожность, что перед дверью в инопланетной камере.

— Витторио, я не умею обещать людям спокойную жизнь.

— Я прожил спокойную жизнь в капсуле. Не понравилось.

— Я могу исчезнуть в полёте на несколько дней. Ино-

гда принимаю решения, которые другим кажутся безумными. Не умею объяснять всё, что делаю.

— Последнее я уже понял.

— И всё равно стоите здесь.

— Всё ещё не помню дорогу.

Мэд открыла дверь каюты.

— Тогда оставайтесь до утра.

В каюте двигалось изображение ночного моря; у окна лежали карты, инструменты и бумажные книги. Личных фотографий не было.

— Я редко остаюсь где-то достаточно долго, чтобы собирать прошлое.

— У вас есть браслет.

Она посмотрела на запястье. После синхронизации она снова надела его.

— Он часть работы.

Браслет снова был на ней. Ответ прозвучал легко, и Витторио принял секрет за право на личное

пространство. После открытого пути допрос казался почти предательством — удобная мысль, позволявшая не замечать собственную тревогу.

— О чём вы думаете?

— Что завтра могу вспомнить всё.

— А сегодня?

— Сегодня вы здесь.

В эту ночь не было голосов, чужих рук на стекле и знака на

архивной пластине. Впервые после пробуждения Витторио спал без снов — рядом с женщиной, которая знала о его пути больше, чем сказала.

Утром Мэд спала к нему спиной. Без командирской уверенности она выглядела моложе и уязвимее. Витторио коснулся её плеча — и в ту же секунду оказался с перехваченным запястьем.

— Никогда не подходите к пилоту во сне, — сказала она, ещё не открывая глаз.

— Учту.

Она ослабила хватку.

— Больно?

— Скорее впечатляет.

— Я предупреждала, что не умею обещать спокойную жизнь.

— Не ожидал, что опасность начнётся в постели.

Мэд открыла глаза.

— Вы разочарованы?

— Наоборот.

Она рассмеялась и прижалась к нему. Система связи включилась через несколько минут.

— Командир, — произнесла «Ариадна», — новый маршрут начал изменяться.

Мэд не пошевелилась.

— Насколько срочно?

— Первый участок исчезнет через двадцать три минуты.

— Значит, у нас есть двадцать две.

— Для подготовки корабля требуется восемнадцать.

— Четыре минуты — роскошь.

— Я не могу подтвердить эффективность такого распределения времени.

Витторио посмотрел на Мэд.

— Ваш корабль ревнует.

— Она просто не умеет отдыхать.

— Это наследственное?

Мэд поцеловала его, прежде чем он успел продолжить.

Ровно через четыре минуты они вошли в навигационный зал. Маршрут терял края, но стабилизировался, когда обе ладони одновременно легли на стол.

— Подтверждено, — сказала «Ариадна». — Путь зависит от совместного присутствия двух наблюдателей.

— Тогда начинай переход.

— Впереди отсутствует подтверждённое пространство.

— Теперь присутствует.

Корабль изменил курс. Вместо переходного окна звёзды разошлись, открывая узкую золотую линию, которой мгновение назад не существовало. Ладони Витторио и Мэд оставались на столе: дорога требовала их обоих.

— Готовы?

— Нет.

— Хорошо.

«Ариадна» вошла в путь и на миг стала прозрачной. Вит-

торио увидел весь экипаж внутри корпуса, а снаружи — только золотую дорогу в темноте. Позади загорелась ещё одна точка. Она не

отражала корабль: она вошла на созданный ими маршрут следом.

— Мэд.

Она тоже увидела свет.

— «Ариадна», кто идёт за нами?

— Объект не определяется. В его сигнале присутствует тот же архивный ключ, но отсутствует живой биосигнал.

— Он использует наш маршрут?

— Да.

— Это возможно?

— До настоящего момента маршрут считался невозможным. И должен был зависеть от двух живых наблюдателей.

Точка приближалась. Мэд сжала руку Витторио.

— Не отпускайте стол.

— Что вы собираетесь делать?

В глазах Мэд появилось знакомое выражение — не бесстрашие, а готовность действовать раньше, чем страх успеет стать приказом.

— Узнать, кто решил, что может идти по нашей дороге без приглашения.

Золотой путь сомкнулся вокруг «Ариадны». Неизвестный объект ускорился и вошёл следом — по дороге, которая должна была существовать только для двух живых людей.

Глава 7. Тень на дороге

Объект не ускорялся — он просто становился ближе. На золотой дороге приборы не находили ни расстояния, ни скорости, ни массы преследователя. Тёмная точка на экране росла, хотя телеметрия утверждала: между нею и «Ариадной» ничего не меняется.

— Оно не летит за нами, — сказал Итан. Его пальцы дрожали на навигационной панели. — Оно повторяет наше положение.

— Это одно и то же, если повторяет достаточно близко, — ответил Йонас.

— Нет. Для движения нужно пройти пространство. Оно ничего не проходит.

Мэд и Витторио держали ладони на световом столе. Стоило одному ослабить контакт, как дорога распадалась по краям. Их зависимость друг от друга перестала быть метафорой.

— «Ариадна», можешь закрыть путь за нами?

— Путь не является тоннелем. Он существует одновременно во всех точках, поддерживаемых наблюдателями.

— Значит, объект использует нас как вторую пару наблюдателей?

— Нет. У него отсутствуют признаки независимого наблюдения.

С приближением точки за глазами Витторио нарастало

предчувствие боли — предупреждение тела о событии, которое ещё не случилось.

— Оно не наблюдает, — сказал он. — Оно повторяет.

— Что именно?

— Не путь. Наш выбор.

Точка сместилась влево раньше, чем Итан отправил команду на коррекцию. Навигатор побледнел.

— Мы ещё не изменили курс.

— Но собирались.

Мэд перевела взгляд на карту.

— Оно знает решение до того, как мы его приняли?

— Или получает его из того же места, где возникает маршрут.

— Из вас двоих, — сказала Саана тоном врача, называющего диагноз, который уже нельзя смягчить.

На экране рядом с реакциями Витторио возникла вторая линия — почти точная копия, только опережавшая его. Интервал совпадал с аномалией, которую Саана уже получила в слепом тесте.

— Он синхронизирован не с кораблём, — сказала Саана.
— С вами. Или с тем, что вернуло вас.

— Разорвём контакт, — решил Йонас. — Выводим Витторио из системы, путь распадается, объект теряет доступ.

— И мы остаёмся в пространстве, которого нет на картах, — напомнил Итан.

— Лучше потерять маршрут, чем привести это к Эвриди-

ке.

Мэд повернулась к Витторио.

— Что вы чувствуете?

— Будто кто-то уже знает, что я выберу, и ждёт, когда я догоню собственное решение.

— Боль?

— Пока нет.

— Это не ответ.

Витторио посмотрел ей в глаза.

— Я могу продолжать.

Мэд не ответила сразу. Её пальцы крепче сжали его руку: согласие продолжать она проверяла не как командир, а как человек, которому уже было что терять.

— При первых признаках боли говорите мне.

— Саана стоит в двух шагах.

— Я сказала — мне.

В голосе не было приказа — только слишком личная для мостика тревога.

— Хорошо.

Мэд повернулась к экипажу.

— Не разрываем путь. Сначала выясним, что объект повторить не способен.

— Он повторяет решения, — сказал Йонас. — Что может быть хуже?

— Решение, которого ещё нет, — ответил Витторио.

Все посмотрели на него.

— Оно получает наиболее вероятное продолжение нашего выбора. Значит, нужно создать решение, которого нет ни в одном из нас заранее.

— Случайный манёвр? — спросил Итан.

— Случайность тоже можно рассчитать, если известен механизм выбора.

— Тогда что?

Витторио посмотрел на Мэд.

— Один выбирает направление и не называет его. Второй соглашается идти, не зная выбора.

— Это не навигация, — сказал Йонас.

— Именно поэтому может сработать.

Точка превратилась в отверстие в золотой дороге — не тень, а рану, из которой вытекал свет.

— Объект достигнет границы корпуса через четыре минуты, — сообщила «Ариадна».

— Последствия контакта?

— Неизвестны.

— Удивительно.

Она перевела взгляд на Витторио.

— Кто выбирает?

— Вы.

— Почему?

— Потому что способ предложил я. Если и направление выберу сам, согласия между нами не будет — только ваше подчинение моему плану.

— А если я выберу неправильно?

— Тогда мы узнаем, может ли доверие быть навигационным инструментом и не становиться властью.

На её лице появилась короткая улыбка.

— Поздно. Мы уже открыли им дорогу.

Мэд закрыла глаза. Витторио продолжал держать её руку. Он чувствовал пульс под пальцами — быстрый, хотя внешне она оставалась спокойной.

— Что мне делать?

— Когда скажу, измените своё представление о цели.

— На что?

— Если я отвечу, объект узнает.

— Удобно.

— Вы мне доверяете?

Витторио вспомнил закрытые сообщения, Каэля и недосказанность Мэд. Но до контакта оставались минуты. Доверие сейчас не оправдывало её тайн — оно было единственным действием, способным спасти корабль.

— Да.

Мэд открыла глаза.

— Тогда перестаньте искать Эвридику.

— Сейчас?

— Сейчас.

Она резко убрала вторую ладонь со стола и коснулась его груди.

— Ищите меня.

Дорога погасла. В темноте Витторио удерживал только руку Мэд и воспоминание о её смехе, взгляде и утреннем прикосновении. Между их ладонями

возникла линия света, затем раскрылась новая дорога — под невозможным углом к прежней.

— «Ариадна», следуй за линией!

«Ариадна» повернула. Преследователь остался на прежнем выборе, затем вытянулся к новой линии. Та уже закрывалась, но часть темноты успела ударить в корпус. Боль прошла Витторио от затылка к глазам; пальцы разжались, и вместе с ними начал распадаться маршрут. Мэд поймала его руку и вернула на стол.

— Вито, смотрите на меня.

Вито. Впервые она назвала его не полным именем и не фамилией. Мир расплывался, но это короткое имя удерживало его внутри собственного тела.

— Не на дорогу. На меня.

— Больно.

— Я знаю.

— Нужно отпустить.

— Ещё несколько секунд.

Саана требовала остановиться, Йонас — разорвать связь, корабль сообщал, что лишь половина корпуса вышла на новый участок. Отпустить сейчас значило разрезать «Ариадну» между двумя дорогами. Мэд удерживала его ладонь и смотрела ему в лицо.

— Слышите меня?

— Да.

— Что вы видите?

— Вас.

— Только меня.

С болью пришли чужие образы: капсула, белый свет, руки на стекле, женщина в тёмной комнате. Лицо почти проявилось. Женщина шевельнула губами — словно просила прощения, — и тогда Мэд снова произнесла его имя.

— Вито.

Образ исчез. Остались её глаза.

— Мы прошли! — крикнул Итан.

Линия сомкнулась за кораблём. Мэд немедленно оторвала его руку от стола и подхватила прежде, чем он упал. Потом исчезло всё.

* * *

Он очнулся в тепле: мягкая поверхность под спиной, нагретый воздух, чья-то ладонь на груди. Несколько секунд Витторио не понимал, остался ли на корабле и сколько времени снова потерял.

— Не двигайтесь.

Мэд сидела рядом с кроватью. Она успела переодеться лишь наполовину. На ней оставалась тёмная нижняя часть корабельного костюма и простая серая рубашка с закатанными рукавами. Волосы были собраны небрежно, под глазами лежали тени.

— Где мы?

— В медицинском отсеке.

— Объект?

— Потерял нас.

— Все целы?

— Да.

— Корабль?

— Повреждён внешний слой. Йонас счастлив: теперь у него есть повод не спать ближайшие двое суток.

Витторио попытался подняться. Комната сразу качнулась. Мэд положила ладонь ему на плечо.

— Я сказала не двигаться.

— Вы всегда так разговариваете с больными?

— Только с теми, кто воспринимает инструкции как повод для литературной критики.

— Сколько я был без сознания?

— Девять часов.

— Вы сидели здесь всё время?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Из соседней ниши вышла Саана со сканером.

— Она покидала отсек три раза, — сказала врач. — В общей сложности на семнадцать минут.

Мэд бросила на неё взгляд.

— Спасибо.

— Я считаю важным поддерживать точность истории бо-

лезни.

Саана провела сканером над головой Витторио.

— Повреждений мозга нет. Но несколько часов ваша нервная система реагировала раньше раздражителя. Сейчас опережение почти исчезло.

— Звучит почти нормально.

— Нет. Нормально — это когда организм реагирует после воздействия.

— Буду работать над пунктуальностью.

Саана не улыбнулась.

— Вам необходим сон. Без сновидений.

— Вы умеете это обеспечивать?

— Да.

Саана подняла иньектор. Тело Витторио напряглось раньше мысли: капсула, закрытая крышка, неизвестное количество потерянных лет.

— Нет.

Саана остановилась.

— Препарат безопасен.

— Я не хочу снова проснуться и не знать, сколько прошло времени.

— Речь идёт о нескольких часах.

— В прошлый раз тоже, вероятно, говорили что-то похожее.

Мэд посмотрела на врача.

— Без препарата.

— Ему нужен глубокий сон.

— Найдём другой способ.

— Мэд, нарушение может вернуться.

— Тогда я останусь рядом, пока он сам не согласится на другой вариант.

Саана перевела взгляд с неё на Витторио.

— Это медицинский отсек, а не место для символических жестов.

— Я не предлагаю символический жест. Подключите контроль к моей каюте.

— Он должен находиться под наблюдением.

— «Ариадна» будет наблюдать.

— Я уже наблюдаю, — подтвердила система.

Саана помолчала.

— При любом изменении показателей вы немедленно вызываете меня.

— Разумеется.

— И не позволяете ему вставать.

— Это может потребовать физической силы.

— У вас есть опыт.

Витторио посмотрел на Мэд.

— Я всё ещё нахожусь здесь.

— Тем лучше. Сможете подтвердить согласие.

Врач была права: его сознание могло снова сорваться, а от него зависел маршрут. Но Мэд не объявила страх нелогичным и не превратила медицинскую необходимость в право

распоряжаться им. Она предложила менее удобный способ и оставила последнее слово Витторио.

— Я согласен.

Саана передала Мэд небольшой контрольный модуль.

— Температура, частота дыхания, временное расхождение. Если последний показатель превысит три секунды, вызываете меня независимо от его мнения.

— Я умею игнорировать его мнение.

— Начинаю замечать.

Мэд помогла ему подняться. Комната снова накренилась. Он опёрся на неё сильнее, чем собирался. Она обхватила его за талию, удерживая уверенно и бережно.

— Медленнее.

— Я иду медленно.

— Вы падаете медленно. Это другое.

До каюты шли десять минут. Мэд принимала доклады, не убирая руки с его талии и не изображая помощь случайно. Эта открытая забота тронула Витторио сильнее поцелуев.

— Вы изменили настройки?

— После станции вы мёрзли даже в медицинском отсеке.

— Я не говорил.

— Вы трижды подтянули одеяло во сне.

— Вы наблюдали?

— Я следила за состоянием пациента.

— Девять часов?

— Врачебная этика требует самоотверженности.

Мэд помогла ему лечь. На небольшом столе уже стояли вода, тёплый напиток и простая еда. Витторио сделал глоток и почувствовал знакомую горечь.

— Такой же напиток был в архиве.

Мэд на мгновение задержала взгляд на чашке.

— Лина передала рецепт кораблю.

— Я никому не говорил, что предпочитаю его менее сладким.

— Вы оставили половину сахара на дне чашки в первый вечер.

— Вы были там всего несколько минут.

— Я замечаю полезные вещи.

Мэд замечала его вкусы, страхи и слабости. Пока это ощущалось вниманием, но где проходила граница между вниманием и наблюдением, Витторио ещё не знал.

— Ешьте.

— Вы собираетесь отдавать приказы всю ночь?

— Только пока вы не начнёте выполнять их добровольно.

— Тогда это надолго.

Она села рядом и поднесла ложку к его губам.

— Вы серьёзно?

— Саана запретила вам напрягаться.

— У меня пострадала голова, а не руки.

— Одна рука обожжена. Вторая удерживала маршрут до потери сознания. Не спорьте.

— Вы используете моё состояние, чтобы получить власть.

— Наконец-то вы поняли.

Он позволил ей кормить себя. Мэд превращала заботу в игру, не оставляя ему роли беспомощного пациента. Закончив, она поправила подушку и легла рядом поверх покрывала.

— Вам необязательно оставаться.

— Знаю.

— На корабле много дел.

— Йонас справится.

— Вы никогда так не говорите.

— Не передавайте ему.

За стеной работали системы корабля. Золотая дорога исчезла; «Ариадна» шла почти вслепую по направлению, сохранённому во время перехода. Следующий путь по-прежнему зависел от сознания двух людей в этой каюте.

— Что вы видели перед тем, как потеряли сознание?

Вопрос прозвучал мягко, почти небрежно. Витторио закрыл глаза.

— Капсулу.

— Ещё?

— Женщину.

Пальцы Мэд на его груди напряглись. Витторио уже узнавал этот жест: так она останавливала вопрос, который хотела задать слишком сильно.

— Вы видели лицо?

— Нет. Почти.

— Она говорила?

— Не помню.

Это была ложь. Он помнил: «Другого времени у нас не будет». Но не знал, принадлежали слова женщине из прошлого, голосу из перехода или памяти, которой никогда не существовало.

— Когда вы позвали меня, всё исчезло.

— Мне жаль.

— Мне нет.

Мэд приподнялась на локте.

— Вы хотите вернуть память.

— Хочу.

— Тогда почему не жалеете?

Он посмотрел на неё.

— Потому что в тот момент мне нужно было остаться здесь.

В её глазах появилась уязвимость, которую она редко позволяла видеть.

— Со мной?

— С вами.

Мэд коснулась его лица.

— Я испугалась, — призналась она.

— На мостике не было заметно.

— Я умею выглядеть полезной, когда боюсь.

— Чего именно?

Она не ответила сразу.

— Что вы отпустите руку.

— И путь исчезнет?

Вопрос вырвался прежде, чем он успел решить, хочет ли услышать ответ. Мэд замерла — лишь на

мгновение, но достаточно, чтобы сомнение получило основание.

— Что исчезнете вы.

Простой ответ заставил его стыдиться подозрения. И всё же маршрут действительно зависел от него. Забота и необходимость могли быть правдой одновременно — Витторио пока выбрал первую.

— Я здесь.

— Пока.

— Это всё, что у нас есть.

Она закрыла глаза и прижалась лицом к его ладони. Витторио впервые увидел в ней не командира, не пилота и не женщину, которая всегда знала следующий шаг. Мэд казалась усталой от необходимости быть сильнее обстоятельств. Ему захотелось защитить её от этой усталости, хотя он сам едва мог встать с постели.

— Ложитесь нормально.

— Это приказ?

— Совет.

— Значит, можно не выполнять.

— Вы плохо на меня влияете.

— Я стараюсь.

Она легла рядом. Эта близость была не продолжением опасности, а согласием разделить пространство, где ни одному не требовалось изображать уверенность.

— Если начнутся голоса, разбудите меня.

— А если вы будете спать?

— Разбудите всё равно.

— А если мне покажется, что я вспоминаю что-то важное?

Она немного помолчала.

— Тогда сначала решите, хотите ли вы проходить через это один.

* * *

Ночью Витторио увидел на контрольном модуле строку, которой не было у Сааны: «Когнитивная привязка маршрута: 63%». Стоило ему приподняться, как строка исчезла.

— Что случилось? — сонно спросила Мэд.

— Ничего.

— Вы обещали не использовать это слово.

— Показалось, что модуль вывел дополнительный показатель.

Она взяла устройство, посмотрела на экран и положила обратно, накрыв его ладонью — тем же движением, каким привыкла прикрывать браслет.

— Медицинская система связывает все реакции с последним перегрузившим событием. Так ей проще предсказывать приступы.

— «Когнитивная привязка маршрута»?

— Инопланетный термин. Йонас добавил его после синхронизации.

Объяснение было возможным, но не проверенным. Мэд говорила спокойно и ещё не до конца проснулась.

— Хотите, я отключу экран?

— Нет.

— Боитесь, что я что-то скрываю?

В её голосе не было обиды — только усталость. Витторио посмотрел на ладонь у себя на груди, будто Мэд даже во сне проверяла, продолжает ли он дышать.

— Нет.

И в этот момент действительно не боялся. Мэд убрала модуль подальше и снова легла рядом.

— Тогда спите, Вито.

Это имя в её голосе звучало так, будто принадлежало только им двоим.

* * *

Утром Саана пришла проверить его состояние и обнаружила, что временное расхождение исчезло полностью.

— Быстрее, чем ожидалось.

— Значит, ваш метод лечения оказался избыточным, — заметил Витторио.

— Или метод Мэд оказался эффективнее.

Врач посмотрела на контрольный модуль.

— Почему часть ночных данных отсутствует?

Мэд, стоявшая у окна, не обернулась.

— Я отключила полную запись. Он не лабораторный объект.

Саана нахмурилась.

— Эти данные могли помочь понять связь с маршрутом.

— Могли также оказаться в архиве Совета и превратить его в лабораторный объект.

— Доступ защищён.

— Всё защищено, пока кому-то не становится очень нужно.

Мэд защитила его от архива Совета, но перенесла данные в собственный закрытый контур. Витторио увидел в этом прежде всего защиту. Другой смысл тоже существовал — просто пока не был ему нужен.

— Где запись?

— В моём закрытом контуре. После возвращения Вито сам решит, кому её передать.

Саана посмотрела на него.

— Вы согласны?

Витторио встретился взглядом с Мэд. Она ничего не просила. Не улыбалась и не пыталась убедить. Просто оставила решение ему.

— Да.

— Хорошо. Но при следующем приступе данные будут записываться полностью.

— При следующем приступе мы будем надеяться, что вы

окажетесь достаточно далеко, чтобы не спорить, — ответила Мэд.

Когда Саана ушла, Витторио подошёл к ней.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не позволили им решить за меня.

Мэд поправила воротник его рубашки.

— Я знаю, как быстро забота превращается в право распоряжаться человеком.

— И никогда так не делаете?

Она посмотрела ему в глаза.

— Стараюсь спрашивать разрешения.

— Не всегда.

— Иногда вы отвечаете слишком медленно.

Он рассмеялся. Мэд поцеловала его коротко, словно это уже стало привычным. В этот момент «Ариадна» сообщила, что неизвестный участок заканчивается. Впереди снова появлялись звёзды.

В навигационном зале экипаж расступился перед ними. После станции и невозможного перехода Витторио больше не был пассажиром, а Мэд — отдельным командиром: корабль начал воспринимать их как пару наблюдателей. Карта ожила под их ладонями и показала океанический мир с перевёрнутыми тёмными башнями. Маршрут проходил сквозь одну из них.

— Мы знаем, что это за мир?

Ашер изучил древние обозначения.

— В инопланетных архивах он называется Талассой. Последняя запись сделана шестьсот лет назад.

— Население?

— Неизвестно.

— Угрозы?

— Неизвестны.

Мэд улыбнулась.

— Наконец-то место с подробным описанием.

— Есть ещё одна запись, — сказал Ашер.

На карте появилась короткая фраза:

ВХОДЯЩИЙ ОСТАВЛЯЕТ ТО, ЧТО СЧИТАЕТ СВОИМ. ВЫХОДЯЩИЙ ЗАБИРАЕТ ТО, ЧЕГО В НЁМ НЕ БЫЛО.

— Это предупреждение? — спросил Йонас.

— Или приглашение, — ответил Витторио.

Мэд переплела с ним пальцы.

— В любом случае пойдём вместе.

Мэд обещала идти вместе. В закрытом контуре её браслета вспыхнуло: «Совместная привязка подтверждена. Доступ к следующему узлу возможен». Она не успела увидеть сообщение. Витторио же был уверен, что наконец нашёл человека, которому может доверить неизвестную часть себя, — именно тогда, когда эта часть стала ключом к чужому узлу. Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— У преследователя был мой архивный ключ, но не био-

сигнал. Он выбирал раньше меня. Кто-то действует через мою запись. Мэд сохранила данные; доверие — мой выбор.

Глава 8. Море без берегов

У Талассы не было суши. Свет звезды дробился на океане серебряными полосами; над водой висели тёмные башни, обращённые остриями к волнам. Золотой маршрут входил в самую большую.

— Посадочной площадки нет, — сообщил Итан.

— И входа тоже, — добавил Йонас.

— Он есть, — сказал Витторио. — Просто не там, где мы привыкли искать двери.

Под башней волны расходились правильными кругами. Океан отражался в чёрной поверхности с задержкой — как память, не успевающая за настоящим.

— Маршрут идёт через отражение.

Мэд увеличила карту и улыбнулась.

— Значит, придётся войти в место, которого физически нет.

— Вас это радует?

— Я начинаю привыкать к хорошим новостям.

Перед спуском Мэд исчезла из внутреннего контура корабля. Через двенадцать минут шлюз открылся; она вернулась одна, с водой на защитном костюме.

— Где вы были?

— Проверяла течение под башней.

— Одна?

— Так быстрее.

Проверяя крепления на его костюме, Мэд задержала пальцы у плеча. Она относилась к чужой безопасности как к продолжению собственной — и всё же только что распорядилась своей без предупреждения.

— Вы волнуетесь?

— Вы исчезли перед спуском на неизвестную планету.

— Всего на двенадцать минут.

— Я не успел решить, насколько сильно должен злиться.

— Решите после возвращения.

Мэд провела ладонью по его груди, проверяя герметичность.

— Сейчас всё в порядке.

Объяснение было разумным: Мэд заранее изучила воду, куда им предстояло войти. Но разумность не отменяла факта, что она снова исчезла, решив за остальных, сколько тревоги допустимо.

Модуль лёг на океан и закачался на волнах. Когда настоящая башня соединилась с запаздывающим отражением, Мэд протянула Витторио руку.

— Вместе?

— Вы начинаете привыкать спрашивать.

— Не разрушайте момент.

Он взял её ладонь — и мир перевернулся. Океан оказался над головой, отражение башни раскрылось под ногами коридором. В зале стояли оставленные вещи: оружие, книги,

украшения, части машин. Четыре арки показывали каждому не предмет, а то, что он считал неотъемлемой частью себя.

— Входящий оставляет то, что считает своим, — напомнил Ашер.

Саана первой коснулась арки.

— Возможно, мне придётся оставить уверенность, что право спасать возникает раньше чужого согласия.

Ашер снял цепочку, но отражение не исчезло.

— Не цепочку, — понял Витторио. — Уверенность, что мир между видами наступил благодаря лично вам.

Ашер закрыл глаза. Арка погасла. Витторио подошёл к своей.

— Я оставляю право требовать от прошлого прежнего себя.

Мэд нахмурилась.

— Вы отказываетесь от памяти?

— Нет. Я не отказываюсь помнить. Я отказываюсь считать, что память обязана вернуть человека, которым я был.

Он коснулся отражения. Капсула исчезла. Мэд долго смотрела на свою арку.

— А вы?

— Не знаю.

— Вы считаете своим право всегда иметь выход.

— Возможность уходить.

— Для вас это почти одно и то же.

Она резко посмотрела на него.

— Вы знаете меня несколько дней.

— Достаточно, чтобы услышать: вы называете возвращением остановку между двумя отъездами.

Мэд отвернулась к арке.

— А если я не хочу это оставлять?

— Тогда не оставляйте.

— Мы не пройдем дальше.

— Тогда найдём другой путь. Башня не получит вашего согласия через моё давление.

Она удивилась.

— Вы не будете меня убеждать?

— Если я вынужу вас отказаться, выбор будет моим, а потеря — вашей.

В отражении осталась одна Мэд, стоящая перед открытым шлюзом. Она коснулась арки.

— Я оставляю уверенность, что безопасность всегда находится за ближайшей открытой дверью.

Арка погасла, и пол исчез под Мэд. Витторио схватил её за руку. В темноте открывались двери: «Ариадна», чужой мир, высокая фигура сородича Каэля, дом с тёплыми окнами. Каждый выход обещал спасение и ни один — возвращение.

— Выберите дверь!

— Все ведут наружу.

— Тогда почему не выбираете?

— Потому что ни одна не возвращает меня к вам. Только

уводит отсюда.

Пальцы Мэд начали выскользывать.

— Вито, отпустите. Вы упадёте вместе со мной.

— Худший аргумент из возможных.

Появилась ещё одна дверь. За ней спокойный Витторио протягивал Мэд руку из безопасного пространства.

— Это вы.

— Нет.

— Откуда знаете?

— Потому что я уже держу вас здесь. Тот, за дверью, предлагает только удобную копию выбора.

Мэд закрыла глаза.

— Что мне делать?

— Решите не пользоваться выходом. Я удержу вас, пока вы сами этого хотите.

— Тогда мы оба упадём.

— Возможно.

Она рассмеялась коротко и почти отчаянно. Затем посмотрела только на него.

— Не отпускайте. Я остаюсь.

Тьма исчезла. Они рухнули на прозрачный пол; Мэд оказалась сверху, всё ещё сжимая его руку.

— Вы тяжёлая.

— Вы могли отпустить.

— И лишиться возможности однажды сказать это?

Она ударила его ладонью по плечу, но не встала.

— Я увидела слишком много выходов, — тихо призналась Мэд.

— И ни одного возвращения?

— Раньше я думала, что возвращение зависит только от того, ждёт ли кто-то с другой стороны.

Витторио коснулся её лица.

— Теперь ещё и от того, выбираете ли вы вернуться, когда дверь для бегства уже открыта.

Она поцеловала его. В этом поцелуе смешались страх падения, облегчение и ярость человека, впервые сознательно отказавшегося от открытой двери.

В сферическом узле управления лежала человеческая пластина со знаком «Акхета» — невозможный предмет в башне, молчавшей шестьсот лет.

— Она может быть связана с вашей капсулой, — сказала Саана.

Анализатор показал дату завтрашнего дня. Сфера начала закрываться, будто пластина ждала именно этого момента.

— Решайте, — предупредил Ашер.

Витторио потянулся к пластине раньше, чем успел принять решение. Мэд перехватила его руку.

— Не реагируйте. Выберите.

— Это может быть первым следом моего прошлого.

— Если решите взять — возьмём. Но сначала убедитесь, что это ваш выбор, а не реакция, возникшая раньше осознанного решения.

Витторио взял пластину. Башня содрогнулась. Океанская вода начала подниматься внутри залов.

— Она нас выпускает, — сказал Ашер.

Вода накрыла их. Мэд уверенно повела группу вверх по золотой линии.

— Вы заранее изучали течение, — понял Витторио.

— Я исчезала на двенадцать минут не ради прогулки.

Почти у поверхности течение разлучило их. Ногу Мэд зажал между пластинами колонны; она приказала Витторио уходить. Он не стал тянуть сильнее — заметил, что захват отвечает на сопротивление. Когда Мэд по его жесту замерла, пластины ослабли. Он освободил её, и течение выбросило обоих наружу.

Над Талассой началась гроза. Связь с «Ариадной» исчезла. Они добрались до плавучего острова, состоявшего из переплетённых прозрачных растений. Ногу Мэд пришлось зафиксировать. Саана и Ашер отправились к соседнему острову, где могли сохраниться передатчики. Витторио остался с Мэд. Дождь стал тёплым и мягким. Синие цветы над ними раскрылись, собирая воду в прозрачные чаши.

Витторио устроил для Мэд укрытие, снял повреждённый ботинок и перевязал ногу.

— Вы слишком довольны собой.

— Редкая возможность отдавать приказы командиру.

— Я всё ещё могу вас уволить.

— Из какой должности?

— Найду подходящую.

Он протянул ей воду.

— Пейте.

Она подчинилась.

— Вам идёт власть.

— Опасное наблюдение.

— Я люблю опасные вещи.

Океан вокруг острова начал светиться. Длинные подводные существа поднялись к поверхности, образуя голубые линии до самого горизонта. Мэд прислонилась к его плечу.

— Вы вернулись за мной.

— Вы бы сделали то же самое.

Она помолчала.

— Теперь — да.

— А раньше?

— Раньше я слишком часто называла бегство уважением к чужому решению — особенно когда не спрашивала, хотят ли меня отпустить.

Витторио взял её ладонь.

— Сегодня вы остались.

— Сегодня вы не позволили мне спрятать выбор за красивым выходом.

Она посмотрела на него серьёзно.

— В башне я хотела выбрать любую дверь. Не потому, что хотела уйти от вас. Открытый выход всегда казался доказательством свободы.

— А теперь?

— Теперь я впервые подумала: свободой может быть и решение остаться, когда тебя не удерживают силой и не просят исчезнуть ради чужого спокойствия.

Он поцеловал её. Мэд ответила сразу, притянув его ближе — так решительно, будто боялась, что промедление вернёт ей дверь для отступления. Тёплый дождь стекал по их лицам, вокруг светился океан, а синие цветы закрывались над ними, создавая тихое укрытие.

— Осторожно, — сказал Витторио, когда она поморщилась из-за ноги.

— Не разрушайте момент.

— Вы сами учили меня замечать полезные вещи.

— Уже начинаю сожалеть.

Он коснулся губами её виска и тонкого шрама — медленно, будто спрашивал разрешения у каждого сантиметра кожи, а не только у неё.

— Обо мне либо не заботились, либо называли заботой попытку остановить, — сказала Мэд.

— Я не хочу останавливать вас. Я хочу, чтобы исчезновение не было единственным способом оставаться собой.

В её лице не осталось защиты.

— Я вернусь.

— Вы уже обещали.

— Тогда обещаю ещё раз.

Под широкими листьями близость то становилась страст-

ной, то стихала. Мэд позволяла касаться шрамов, о которых не рассказывала; Витторио не превращал доверие в требование объяснений.

— Мы на неизвестной планете, без связи, под башней, которая пыталась забрать наши представления о себе, — сказала она. — И я давно не чувствовала себя такой счастливой.

— Возможно, башня дала вам то, чего в вас не было.

— Желание не искать новую дверь сразу после того, как стало хорошо.

* * *

Ночью они укрылись одним термопокрывалом. Найденная пластина лежала рядом, в шаге от них, но её металлический холод впервые проигрывал теплу чужого плеча под щекой.

— Вы изменились, — сказала Мэд.

— Почему?

— Несколько дней назад вы занялись бы пластиной сразу.

— Сегодня предпочитаю смотреть на океан.

Она прижалась ближе.

— Или на меня.

— Сегодня это почти одно и то же.

После долгого молчания Витторио спросил:

— У вас есть семья?

— Мать и младший брат. На Эстере.

— Вы давно их видели?

— Несколько лет.

— Почему?

— Рядом с семьёй слишком легко снова стать человеком, которым был раньше.

— Каким?

— Тем, кто обещал вернуться и всегда находил новую причину задержаться.

Витторио запомнил Эстер не как пункт маршрута, а как место, куда Мэд однажды должна будет решить вернуться.

Утром он проснулся один. Следы босых ног уходили к воде — неглубокие, ещё влажные, будто она ушла только что. Страх оказался быстрее рассудка; Витторио уже входил в океан, когда услышал смех и увидел Мэд с двумя серебряными плодами.

— Вы куда?

— Искать вас.

— Я нашла завтрак.

— Вы снова исчезли.

— Ненадолго.

Она поцеловала его.

— Я иногда исчезаю, Вито. Но могу предупреждать.

— Мне не нравится.

— Вам многое во мне ещё не понравится.

Это звучало как игра, но было первым условием их близости, которое они ещё не научились выполнять.

— Тогда придётся разбираться постепенно.

— Именно на это я рассчитываю.

К полудню связь восстановилась. На мостик Мэд вошла, не отпуская руку Витторио. К вечеру экипаж уже воспринимал их как пару — быстро, почти слишком быстро для людей, связанных не только чувствами, но и маршрутом корабля.

Пластину «Акхета» поместили в защищённый анализатор. Среди карты и неизвестной последовательности Витторио слышал женский вдох и начало слова — тихое, но слишком близкое, чтобы быть шумом прибора.

— Что-то слышали?

Он прислушался.

— Слышал. Но не понял слова.

Она коснулась губами его виска.

— Сегодня остановитесь сами. Архив никуда не исчезнет.

— Это приказ?

— Просьба. Не приказ.

— Тогда спорить сложнее.

— Я на это и рассчитываю.

У двери анализатор произнёс: «Вито...» Мэд остановилась вместе с ним — слышала тоже. Предмет, изготовленный завтра и оставленный здесь шестьсот лет назад, знал его имя. Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Завтрашняя пластина пролежала здесь шестьсот лет и знает моё имя. Мэд тоже слышала.

* * *

Переход до следующей системы занимал одиннадцать ча-

сов, и большая часть команды разошлась по каютам — все, кроме Йонаса, который разобрал панель управления гравитационным демпфером просто потому, что она была разобрана недостаточно давно, и Элиаса, устроившегося рядом с чашкой чего-то, что называл чаем только по старой памяти.

Вито зашёл за водой и остался, потому что Йонас как раз произнёс фразу, после которой не уйти было почти невозможно:

— Ты опять делаешь ту штуку с левой бровью, которую делал перед экзаменом по причинной механике.

— Я не поднимал бровь тридцать лет, — сказал Элиас, не поднимая глаз от чашки.

— Тридцать один. И поднимал. Регулярно. Обычно перед тем, как соврать преподавателю, что задание было выполнено вовремя.

Вито сел на свободный ящик, стараясь не выглядеть так, будто напрашивается на историю. Не получилось — оба это заметили и, не сговариваясь, решили, что историю можно рассказать.

— Мы учились вместе, — сказал Йонас. — Одна академия. Один курс, если не считать того, что Дара поступила на год позже нас с Элиасом, а Рейн — вообще на другую специальность, но обедал за нашим столом, потому что своя компания была слишком трезвой для его вкуса.

— Инженерное дело? — спросил Вито.

— Причинная механика и прикладная этика, — сказал

Элиас. — Комбинация, которую сейчас уже не преподают вместе. Тогда считалось, что нельзя строить механизмы, которые управляют временем и решениями, без параллельного курса о том, что с этим можно и нельзя делать. Дара шла по медицинскому треку, но нашу этику слушала вольным студентом — говорила, что хирургу тоже нужно понимать, где заканчивается право чинить и начинается право решать за пациента.

— Она тогда была невыносима на семинарах, — заметил Йонас без злобы. — Задавала вопросы, на которые преподаватель не готовился отвечать.

— Она и сейчас такая, — сказал Вито.

— Именно поэтому мы всё ещё вместе, — ответил Элиас.

В коридоре появилась Дара — очевидно, привлечённая тем самым частотным диапазоном разговора, который безошибочно распознаёт человека, обсуждающего его студенческие годы без разрешения.

— Он рассказывает про мои вопросы на семинарах?

— Только хорошее, — соврал Йонас.

— Он рассказывает, что я была невыносима.

— Это и есть хорошее, — сказал Элиас. — С возрастом это стало комплиментом.

Дара со вздохом села рядом, забрав у Элиаса чашку и сделав глоток без разрешения — жест, явно отрететированный десятилетиями.

— Рейн тоже был на курсе? — спросил Вито.

Вито не стал спрашивать дальше — что-то в тоне подсказало, что это не его история для расспросов. Но

отметил про себя: Рейн, которого он видел спокойным и ироничным при свете общих отсеков «Ариадны», по ночному расписанию корабля становился заметно тише, ближе к стенам, будто по старой памяти проверяя пути отхода.

— Мы ездили в отпуск вместе почти каждый год после выпуска, — сказал Йонас, меняя тон обратно на лёгкий. — Пока Рейн не поступил на федеральную службу и не начал вечно все переносить.

— Один раз, — уточнила Дара.

— Дважды.

— Один раз по уважительной причине.

Элиас посмотрел на Вито поверх отобранной чашки.

— Мы знаем друг друга дольше, чем существует половина технологий на этом корабле, — сказал он. — Это не значит, что мы никогда не ошибались друг в друге. Значит только, что у нас было время исправить большую часть ошибок до того, как они стали непоправимыми. Это единственное преимущество старой дружбы перед новой, Витторио. Не меньше конфликтов. Просто больше практики их разрешать.

Вито промолчал, думая о том, что сам не помнил ни одной дружбы длиннее нескольких секунд восстановленной памяти — и о том, что где-то в этой мысли пряталась не зависть, а тихое, только что родившееся желание однажды тоже суметь так же долго кого-то знать.

Глава 9. Город прилива

После Талассы «Ариадне» требовался ремонт. Мэд повела корабль к промышленному Марасу якобы за охлаждающей средой. Йонас нашёл тот же ресурс на двух более близких станциях и молча показал Вито расчёт. Вито тоже промолчал: после обещания предупреждать об исчезновениях Мэд снова выбрала маршрут, не объяснив настоящей причины.

На Марасе забастовка портовых рабочих за несколько часов стала вооружённым столкновением. Посадочные коридоры закрывались один за другим. Мэд ушла на малом модуле «проверить качество топлива» — одна, в район, откуда гражданские корабли уже эвакуировали.

Через двадцать минут Вито увидел на её рабочем экране незакрытое сообщение: имя Илара и адрес временного медицинского пункта за линией столкновения. Он вызвал Йонаса.

— Где запасной наземный транспорт?

— Сначала объясни, почему ты спрашиваешь голосом человека, который уже решил испортить мне день.

Вито показал сообщение. Йонас выругался и открыл грузовой шлюз.

Они нашли Мэд у повреждённого медицинского пункта. Её модуль горел за баррикадой. Рядом стояла Илара — худо-

щавая женщина с контейнером бумажных карт, который не бросила даже под обстрелом. Мэд вывела мать, но оказалась между охраной и наёмниками; в магазине её оружия оставалось два заряда.

Вито вошёл через технический тоннель. Тело узнало бой раньше сознания: удары импульсного оружия, вибрацию стен, запах перегретой изоляции. На миг возник другой коридор — тесный, тёмный, с голосом, кричавшим его имя. Он заставил себя

назвать настоящее место, год и людей, которых пришёл вывести.

Марас. Две тысячи сто сорок седьмой. Мэд и Илара живы. Дверь. Кабель. Пустой контейнер. Разбитая лампа. Собственная рука. После пятого предмета дыхание выровнялось, а чужой коридор исчез.

Вито не пытался победить обе стороны. Он увидел старую вентиляцию, грузовой лифт и график автоматических платформ: через несколько минут в нижний тоннель войдёт пустой медицинский контейнер. Этого окна хватало, если никто не остановится.

— Вы умеете выбирать станции для дозаправки.

Она повернулась так резко, что едва не ударила его.

— Как ты здесь оказался?

— Проверяю качество топлива.

Илара посмотрела на него и впервые за весь день улыбнулась.

До тоннеля оставалось меньше ста метров. В разбитой мастерской вторичный удар сорвал с потолка поперечную сервисную ферму и прижал Мэд за ногу. Вито не пытался поднять сталь руками: Йонас подвёл грузовую платформу, упёр её гидравлический подъёмник в ферму, а Вито удерживал перекошенную опору, пока Мэд вытаскивала ногу. Пальцы он перестал чувствовать ещё до того, как автоматический контейнер вошёл в тоннель. Йонас перехватил его управление и вывел всех к шлюзу «Ариадны».

Уже на борту Мэд пыталась сердиться.

— Ты не имел права лететь за мной.

— Это было не право. Скорее отсутствие хороших идей.

— Я справилась бы.

Илара, сидевшая рядом с Сааной, сказала:

— Конечно. Именно поэтому мы нашли тебя под сервисной фермой.

Мэд замолчала. Саана обрабатывала ладони Вито и всё время смотрела ему в лицо, хотя повреждения находились ниже.

— Ты снова там? — спросила она тихо.

Он понял, что она говорит не о Марасе.

— Уже здесь.

Она кивнула, будто услышала подтверждение того, что почувствовала раньше приборов.

Илара провела на «Ариадне» только несколько часов. Перед переводом на безопасный транспорт она коснулась ще-

ки Вито и сказала, что люди, которые приходят за чужими матерями в зону боя, редко бывают случайными знакомыми. Мэд стояла рядом и не возразила.

После Мараса осталось новое знание. Вито увидел, ради кого Мэд солжёт экипажу и нарушит маршрут. Мэд увидела, что он не останется на безопасной орбите, если понимает причину её исчезновения. По пути к Нерее она впервые уснула у него на плече прямо в навигационном зале.

* * *

Удар преследователя повредил не только внешний слой. Некоторые участки корпуса исчезали из показаний, словно корабль забывал собственные границы. Йонас назвал это личным оскорблением инженерной логики и потребовал немедленной остановки.

Ближайшим безопасным местом оказался город Нерее — старое поселение на Талассе, построенное не на суше — её здесь не существовало, — а на сплетении живых платформ. Они плавали по океану, медленно соединяясь и расходясь в зависимости от течений. С высоты город напоминал огромный цветок, раскрытый на воде.

«Ариадна» опустилась к внешнему кольцу Нерее и закрепилась среди ремонтных конструкций. Вокруг неё сразу появились лёгкие лодки, беспилотные платформы и люди в прозрачных водонепроницаемых плащах. Некоторые жители передвигались прямо по воде, используя обувь с широкими гибкими пластинами. Другие погружались под по-

верхность и возвращались через несколько минут, не пользуясь дыхательными аппаратами. Город жил одновременно над океаном и внутри него.

Витторио наблюдал за Нереей из обзорного зала. После Талассы движения людей иногда начинались раньше, чем он понимал их намерение, а звук отставал от жеста. Саана считала это остаточным сдвигом и запретила ему оставаться одному первые сутки.

Мэд почти не отходила. Не контролировала — просто появлялась раньше, чем он успевал позвать. Когда сдвиг усиливался, касалась его запястья, возвращая ощущение настоящего. Вито принимал это за заботу и старался не думать, откуда она так точно знает момент.

Витторио видел в этом внимательность человека, привыкшего отвечать за других. Но рядом с ним её забота становилась другой — тише и личнее. Она уже не называла его Витторио, если поблизости не было посторонних. Имя «Вито» возникло между ними почти незаметно и быстро стало принадлежать только их общему пространству. Каждый раз, когда Мэд произносила его, прошлое отступало чуть дальше.

* * *

На второй день ремонта Нереея открыла для экипажа внутренние районы города. Платформы были покрыты садами, низкими домами и узкими дорожками, которые меняли направление вместе с движением воды. Между кварталами ходили лодки

без бортов. Они держались над поверхностью на тонкой воздушной прослойке и скользили почти бесшумно.

Над городом висели прозрачные сферы с водой. Днём они собирали солнечный свет, а вечером медленно опускались ниже, рассеивая голубое сияние. Внутри сфер плавали крошечные светящиеся существа, превращая каждую в маленькое живое небо.

Мэд знала Нерею. Она бывала здесь много лет назад, когда город ещё считался пограничной станцией. Но теперь двигалась осторожнее, словно знакомое место изменилось сильнее, чем она ожидала. Несколько раз останавливалась перед закрытыми проходами и только потом замечала, что район давно перестроен. Витторио не задавал вопросов. Ему нравилось видеть её не командиром, а человеком, который тоже может потеряться.

Они поселились в небольшом доме на краю одной из платформ. Дом стоял почти у самой воды. Его стены меняли прозрачность в зависимости от света, а спальня ночью открывалась к океану так широко, что казалось, будто кровать плывёт среди волн.

Первый вечер они почти не разговаривали. Мэд сидела у открытой стены, опустив ноги в тёплую воду. Витторио лежал рядом, слушая далёкий шум города и ощущая её ладонь у себя на груди. Иногда под домом проплывали светящиеся существа, и потолок наполнялся медленными голубыми тенями. После нескольких дней опасностей тишина казалась

непривычной.

Витторио поймал себя на ожидании тревоги. Но «Ариадна» была в ремонте, пластина «Акхета» — под охраной, Мэд — рядом. Впервые после пробуждения можно было просто дышать, и именно поэтому покой казался подозрительным.

Мэд уснула раньше него. Во сне она выглядела моложе. Её лицо теряло напряжение, которое обычно возвращалось раньше, чем она открывала глаза. Одна ладонь оставалась на его груди, будто даже во сне Мэд проверяла, находится ли он рядом. Витторио долго смотрел на неё. Он не знал, сколько времени им отпущено. Не знал, что ждёт на Эвридике и кем окажется человек, чью память он пытается вернуть. Но впервые неопределённость не требовала немедленного ответа. Рядом с Мэд настоящее перестало быть временной остановкой.

Утром Мэд исчезла.

Сообщения не было. «Ариадна» не регистрировала её вход. К полудню обещание предупредить перестало казаться шуткой, которую они ещё не научились выполнять.

Мэд вернулась через несколько часов со свёртком древнего водного интерфейса и тонкой царапиной на плече. Сказала, что встречалась со старым знакомым, способным помочь с пластиной. Не назвала ни имени, ни причины, по которой встреча оставила кровь.

Она поцеловала его ладонь, и тревога отступила — слишком легко. Мэд снова принесла ответ вместо объяснения.

Витторио принял обмен, хотя уже понимал его цену.

* * *

В городском архиве пластину поместили в водную камеру под старейшей платформой Нереи. Над прозрачной шахтой плавали дома и сады; ниже уходили в темноту корни живого города. В центре круглого зала пластину окружила тонкая сфера воды.

Обычные команды вызывали одну последовательность: серия коротких колебаний, пауза, два длинных. Йонас называл это кодом. Витторио слышал дыхание человека, пытающегося говорить через боль.

Он попросил отключить переводчики. Мэд не стала задавать вопросов: положила ладонь ему между лопаток и осталась рядом.

Витторио закрыл глаза. Ритм не передавал сообщение — он искал сознание, способное выдержать временное расхождение.

Он коснулся водной сферы. В ней появилась тёмная комната: край капсулы, неподвижная рука внутри, женщина у стекла. За её спиной мерцали не приборы «Орфея», а далёкие звёзды.

— Ещё немного, — сказала женщина. — Больше я окно не удержу.

Ей ответил голос, не принадлежавший человеку:

— Этого достаточно, если он узнает тебя раньше, чем вспомнит.

Женщина повернулась, и лицо почти вышло из тени. В этот момент сдвиг ударил по Витторио: воздух исчез, сердце пропустило удар и попыталось вернуть сразу несколько. Мэд вырвала его руку из воды. Видение оборвалось. Она закрыла его собой от приборов и заставила смотреть только на неё.

Он не увидел лица, но получил первый ответ: капсулу открыли намеренно. Его возвращение было не аварией и не случайностью — кто-то удерживал для него короткое окно между двумя временами.

Мэд закрыла архив до следующего дня и забрала у Йонаса медицинские данные. Витторио был благодарен: часть его хотела немедленно вернуться, другая боялась снова потерять настоящее. Но благодарность не отменяла вопроса, почему его данные опять оказались только у неё.

* * *

Вечером Неря готовилась к празднику прилива. Раз в несколько месяцев живые платформы города сходились вокруг глубокой океанской впадины. Вода между ними начинала светиться, а из глубины

поднимались огромные прозрачные существа. Жители Нерей называли их хранителями течений, хотя никто точно не знал, были ли они животными или частью самой планеты.

Мэд считала, что ему нужен отдых, и отказалась от праздника прилива. Потом заметила, как он смотрит на опускающиеся световые сферы, и без объяснений принесла ему одежду.

После заката Нерей стала почти невесомой: дорожки светились, музыка поднималась из воды. Мэд надела простое тёмное платье. Без формы она выглядела не мягче, а свободнее от роли, которую почти никогда не снимала.

На центральной платформе никто не объявлял начало танца. Люди просто постепенно начинали двигаться в ритме воды. Мэд сначала наблюдала со стороны. Затем взяла Витторио за руку. Она танцевала совсем не так, как управляла кораблём: без точности и привычного контроля. Иногда сбивалась, смеялась, прижималась ближе, когда живая платформа меняла наклон. Витторио почти не помнил музыку. Он запомнил свет на её лице, прохладные пальцы у себя на шее и то, как Мэд смотрела на него, будто вокруг не существовало ни города, ни океана, ни пути к Эвридике.

Когда из глубины поднялись хранители течений, тысячи людей замолчали. Под прозрачной поверхностью воды двигались огромные светящиеся тела. Они проходили между платформами, не касаясь их, и каждое движение превращало город в узор из голубого и золотого света. Мэд стояла спиной к Витторио. Он обнял её, и она сразу откинулась к нему, словно это положение давно стало привычным. Ни один из них не говорил. Слова сделали бы момент меньше.

Позднее они ушли с праздника, не дожидаясь окончания. Узкие дорожки были почти пусты. Световые сферы опустились к самой воде, и город выглядел как отражение неизвестного созвездия. Мэд привела его к маленькой лодке. Они

отплыли от платформ без цели. Лодка сама удерживалась в спокойном течении. Неряя постепенно отдалялась, превращаясь в цветок из света.

Витторио лежал на дне лодки, положив голову на колени Мэд. Она медленно проводила пальцами по его волосам. После архива ему всё ещё было трудно думать о женщине возле капсулы, но рядом с Мэд воспоминание переставало причинять боль. Её забота создавала вокруг него пространство, где прошлое не могло добраться до него без разрешения.

В лодке Витторио положил голову ей на колени. Рядом с Мэд женщина у капсулы переставала быть болью и становилась загадкой, к которой можно вернуться — если Мэд позволит решать ему самому.

Мэд произнесла его имя тихо, почти беззвучно, и в этот момент он почувствовал себя не человеком без прошлого, а мужчиной, которого выбрали сейчас.

* * *

Утром они долго не вставали. Океан за прозрачной стеной был спокойным. Мэд лежала рядом, положив голову ему на плечо. В её лице сохранялось редкое выражение незащитного счастья. Она рассказала ему несколько историй о детстве на Эстере. О маленьком доме на склоне, где почти всегда дул ветер. О младшем брате, который боялся высоты, но всюду следовал за ней. О матери, собиравшей старые навигационные карты и утверждавшей, что дороги важнее мест назначения. Говорила немного, часто замолкала, но Витто-

рио не торопил. Он понял, что Эстер была для неё не просто домом. Это было место,

рядом с которым Мэд особенно ясно видела все свои обещания, оставшиеся невыполненными.

Днём Мэд вызвали на закрытый канал. Вернувшись, она слишком долго застёгивала ремешок на запястье — тем же движением, каким прикрывала браслет, хотя браслета уже не было.

Она сказала, что должна лететь на Эстер из-за семейных обстоятельств и справится одна. Витторио не потребовал подробностей. Он решил уважить её выбор — и не заметил, как уважение снова стало удобным именем для молчания.

До вечера они оставались вместе. Мэд старалась вести себя так, будто отъезд был обычным коротким делом. Но каждый её жест выдавал обратное. Она чаще касалась Витторио, задерживала взгляд, несколько раз возвращалась в комнату после того, как уже собиралась выйти.

Перед самым вылетом она долго стояла у воды. Неря отражалась в океане, и две версии города медленно расходились вместе с течением. Витторио подошёл сзади и обнял её. Мэд повернулась и прижалась к нему слишком крепко для прощания на несколько дней. Она сказала, что вернётся. Он не напомнил, сколько раз уже слышал это обещание. На этот раз ему хотелось просто поверить.

Малый корабль покинул Нерею ночью. Витторио наблюдал, как огни исчезают над океаном. Потом вернулся в пу-

стой дом и впервые за много дней почувствовал тишину не как покой, а как отсутствие человека.

На столе осталась бумажная карта Эстера. Под ней Витторио нашёл официальное уведомление на имя Илары: дом и землю передавали кредитному управлению. Окончательное решение вступало в силу через два дня.

Мэд сказала, что справится сама. После Мараса эти слова уже не означали, что ей не нужна помощь; они означали, что она не собирается просить.

Витторио запросил гражданский маршрут к Эстеру без раскрытия имени до прибытия. Не связался с Мэд и не купил билет — пока только изучил путь. Но серебристая бабочка уже сидела на бумажной карте, раскрыв крылья над отметкой дома. Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Женщина у капсулы удерживала окно, пока меня возвращали. Нечеловеческий голос сказал: я должен узнать её раньше, чем вспомню. Значит, пробуждение было намеренным. Мэд забрала данные ради меня — возможно. Но теперь я хочу проверять объяснения сам, а не заменять ими собственный выбор.

Глава 10. Там, где дует ветер

Эстер находилась в стороне от больших переходов. Вито прибыл туда под именем Виттора Торре — специалиста по устаревшим системам и консультанта федеральной экспедиции. Документы подготовил Йонас, медицинский модуль спрятали в багаже Саана, а координаты дал человек, которого Вито не помнил, хотя архив утверждал: когда-то они воевали вместе. Марк Штерн прожил после Последней войны больше ста сорока лет благодаря ранней программе продления жизни и теперь почти не покидал орбитальную клинику. На короткой связи он не требовал от Вито невозможного узнавания.

— Ты всё равно не поверишь моим историям, пока не найдёшь собственные, — сказал он. — Но одному моему тайнику пора перестать ждать.

В старом жилом узле Эстеры Марк оставил фазовый ключ — часть оружия, захваченного во время войны. Сам по себе предмет был бесполезен, но его структура могла помочь экспедиции создать защиту от устройства, которое искала команда. Марк передал адрес квартиры и код технической панели.

— Там никто не живёт, — заверил он. — По крайней мере, не должен.

Эстер встретила Вито ветром и низкими облаками. Го-

род прижимался к склонам, а грузовые дороги проходили над жилыми уровнями широкими металлическими лентами. Указанная квартира находилась в старом транспортном узле, который собирались снести после завершения нового кольца. Дверь открылась по коду Марка.

Внутри были люди. Молодая женщина резко поднялась из-за стола; за её спиной замер мальчик лет пяти. Из соседней комнаты вышел мужчина, похожий на Мэд не чертами, а тем, как мгновенно оценил расстояние до окна, двери и незнакомца.

Леон. Его жена Адела. Их сын Тео. Вито понял, кто они, прежде чем Леон назвал сестру.

Семья въехала два дня назад. Знакомые предложили дешёвую квартиру, пока федеральная служба проверяла угрозы возле дома Илары. Леон не доверял месту, но другого убежища рядом со станцией не нашёл. Совпадение было слишком точным: тайник Марка, родные Мэд и Вито оказались по одному адресу в один день.

За последние пять недель неизвестные несколько раз требовали маршрут Мэд. Сначала присылали сообщения, потом показали фотографии Тео возле школы и Илары у старого дома. Леон вывез жену и сына со склона, не сообщая сестре точного адреса. Квартиру посоветовал бывший коллега, с которым он работал много лет.

— Он исчез вчера, — сказал Леон. — Канал закрыт, трудовая запись стёрта. Я решил, что человек просто испугался.

Вито проверил дверь, климатическую систему и окна. Квартира выглядела обычной, но домашний интеллект работал в сервисном режиме, которого жильцы не включали. Через равные промежутки в энергопотреблении возникал провал — слишком короткий для бытового прибора, достаточный для скрытого канала.

— Кто-то входит в систему через климатический блок.

— Следит?

— Или ждёт команды открыть дверь.

Адела усадила Тео ближе к кладовой и спросила, нужно ли немедленно уходить. Вито посмотрел на фазовый ключ. Если вывести семью сейчас, наблюдатель поймёт, что тайник раскрыт; если остаться, они встретят тех, кто придёт за предметом.

Он отправил Йонасу аварийный сигнал и попросил Леона подготовить технический выход.

— Вы кто?

— Человек, которому очень не нравится это совпадение.

— Вы знаете мою сестру.

Вито не ответил сразу.

— Да.

Леон всмотрелся в него. Будто искал человека, о котором Мэд никогда не рассказывала прямо, но чьё имя произносила иначе, чем остальные.

— Вито?

В этот момент погас свет.

* * *

За минуту до отключения Вито снял панель вентиляционного канала кодом Марка и достал фазовый ключ. Леон ещё не успел спросить, зачем консультанту старый военный артефакт, когда служебная дверь открылась без сигнала.

Первый человек вошёл бесшумно. Под гражданской одеждой угадывался усиленный защитный слой. Он не посмотрел ни на Леона, ни на семью — сразу увидел контейнер в руке Вито. Значит, нападение могло быть связано с ключом. Или их намеренно подталкивали к этому выводу. Вито толкнул Аделу и Тео в кладовую.

— Закройтесь и не открывайте, пока не услышите Леона.

Агент ударил прежде, чем Вито успел повернуться. Край стола обжёг грудь болью — по меньшей мере одно ребро сломано. Следом вспыхнуло короткое разрядное лезвие. Вито подставил разделочную доску; светящаяся кромка почти прошла сквозь дерево. Керамическая чаша разбилась о висок нападавшего, не остановив его. Лезвие полоснуло Вито по плечу.

Это не было похоже на бой из записей. Они скользили на осколках, врезались в мебель, хватали всё, что попадалось под руку. Вито опрокинул стол, сорвал с нагревательной панели решётку и зажал лезвие между прутьями. Агент оказался сильнее и медленно прижимал раскалённый металл к его лицу.

Вито резко перестал давить. Агент подался вперёд, и Вито

встретил его ударом головы. Лезвие всё же вошло в плечо. Падая, Вито вырвал водяной шланг изпод стола и направил струю в открытую панель. Свет погас; комнату заполнили пар и запах горячей изоляции. Интерфейс в линзах агента выдавал его положение редкими искрами. Вито видел только их — и успел пригнуться, когда лезвие ударило в стеклянную перегородку. После второго удара стекло разлетелось. За дверью кладовой вскрикнула Адела, заплакал Тео.

Вито выставил перед собой лёгкий стул. Агент разрубил спинку, но оставшейся переключиной Вито дважды ударил его по запястью. Лезвие выпало и, скользнув по полу, рассекло два пальца Вито. Агент прижал его к стене и стал бить затылком о панель. Белая вспышка перед глазами оказалась не потерей сознания, а воспоминанием.

Другой коридор. Другие руки на его горле. Человек в форме, которого Вито когда-то убил — или не сумел спасти. Настоящее начало исчезать, и он заставил себя назвать его вслух.

— Эстер. Жилой узел. За дверью ребёнок.

Пальцы агента сжимали горло. Вито бил наугад, уже теряя воздух, пока в свете проходящей платформы не увидел под полкой ручной пистолетогнетушитель. Он сорвал его и выпустил струю в лицо противнику. Интерфейс линз ослеп; хватка ослабла. Два удара рукоятью заставили агента отступить к панорамному окну.

За стеклом проходили грузовые платформы. Агент тяже-

ло дышал, но не отступал. Услышав всхлип Тео, он достал плазменный пистолет и направил его на кладовую. Вито бросился вперёд. Первый разряд прошёл через кисть и прожёл дверь над головами тех, кто прятался внутри. Они вместе ударились в окно; по стеклу разбежалась белая трещина. Агент снова повёл стволом к двери.

Вито толкнул его в повреждённое стекло. Окно раскрылось наружу, и в комнату ворвался ветер. Агент повис на раме, второй рукой продолжая тянуться к упавшему пистолету. Вито мог отступить. За его спиной оставались Адела и ребёнок. Он ударил по державшейся за раму руке. Человек сорвался на проходящую внизу грузовую платформу и исчез вместе с ней в тоннеле.

Второй агент вошёл через главный проход прежде, чем Вито успел поднять оружие. Удар пришёлся в обожжённое плечо, следующий — в сломанные рёбра. Нападавший дёрнул его за повреждённую кисть и повалил, одной рукой обыскивая карманы в поисках фазового ключа. Из кладовой доносился шёпот Аделы, уговаривавшей Тео молчать. Вито ударил агента по лодыжке и высвободился лишь настолько, чтобы закрыть собой дверь.

Тогда вернулся Леон, которого первым ударом отбросило в технический отсек. Он схватил с полки тяжёлую бронзовую ступку — старую семейную вещь — и обеими руками ударил агента по затылку.

Агент пошатнулся, но развернулся и выбил ступку. Плаз-

менный пистолет поднялся к Леону. Вито ударил по вооружённой руке ногой; выстрел ушёл в потолок, осыпав комнату каплями расплавленного металла. Леон навалился на дверь кладовой, закрывая собой жену и сына, а Вито сбил противника на пол. Второй выстрел прошёл Леону по руке.

Вито рухнул на агента всем телом. Повреждёнными пальцами удержать запястье было невозможно, поэтому он прижал его предплечьем к полу и перехватил рукоять здоровой рукой. Первый разряд ушёл в стену. Агент попытался повернуть ствол к Леону. Вито нажал снова. Заряд пробил защитный слой на груди; тело дёрнулось и обмякло.

В комнате стало тихо.

Вито сполз с неподвижного тела и сел на колени. Ветер гнал по комнате пар и мелкие осколки. Леон прижимал ладонь к раненой руке и вслушивался, плачет ли Тео за дверью. Вито посмотрел на него, пытаясь удержаться в настоящем.

— Пока не вывезете семью — никому ни слова.

Леон смотрел на него мутным, бессмысленным взглядом.

— И Мэд? — спросил Леон.

— Особенно Мэд. Сначала безопасность. Потом правда — когда она не станет платой за помощь.

Леон хотел возразить, но увидел повисшую кисть, кровь на лице Вито и дверь, которую тот закрыл собой.

Адела открыла кладовую не сразу. Лицо Вито было в крови, плечо и кисть почти не двигались, каждый вдох отзывался хрипом. Тео попытался выглянуть изза матери, но она за-

крыла ему глаза.

— Всё закончилось? — всхлипывая, спросил мальчик, обнимая её ногу.

Вито посмотрел на мёртвого человека и разбитое окно.

— Эта часть — да.

Он поднялся, опираясь на стену. Сделал два шага и едва не упал. Леон подхватил его здоровой рукой. Самостоятельно уйти Вито уже не мог.

* * *

Обычную медицинскую службу Вито вызывать не позволил: если нападение было связано с артефактом или семьёй Мэд, открытый запрос могли перехватить. Йонас удалённо закрыл жилой узел, вызвал федеральную группу и направил контейнер с фазовым ключом на «Ариадну». Аделу с Тео вывезли в ремонтном модуле к охраняемой ветровой станции. Только увидев подтверждение их прибытия, Вито согласился лечь. Саана подключилась по закрытому каналу и, взглянув на показатели, перестала спорить.

— Сломанные рёбра, повреждённое лёгкое, ожог плеча, рассечённые пальцы, плазменная травма кисти, сотрясение, — перечислила она. — Ты решил собрать весь каталог за один вечер?

— Застрял в лифте после плотного завтрака.

— В лифте было плазменное оружие?

— Здесь очень строгие правила грузоподъёмности.

Леон неожиданно рассмеялся, наблюдая, как наноробо-

ты соединяют сосуды и нервы кисти внутри силового поля. Смех быстро перешёл в дрожь. Вито закрепили грудную клетку и плечо медкаркасом, кисть поместили в регенерационную капсулу. Саана предупредила: обезболивание позволит двигаться, но не отменит повреждений; чувствительность и точность движений вернутся только после полноценной реабилитации.

— Мэд всё равно увидит капсулу, — сказал Леон, пытаюсь привлечь внимание Вито, и показал на раскрытой ладони кварцевый кубик памяти из системы охраны.

— Скажем, во время ремонта сорвало сервисную ферму. Покажем только каркас, — ответил Вито.

— Она не поверит, — сказал Леон и, соглашаясь, на мгновение прикрыл глаза, затем спокойно, не привлекая внимания, спрятал кубик в карман брюк.

— Тогда добавим неисправный грузовой лифт. К её приезду капсулу уже снимут.

* * *

Федеральное следствие началось в тот же день. Квартира была опечатана; оружие, следы выстрелов, доступы домашней системы и записи камер сняли независимые группы. Камеры подтвердили: оба агента вошли вооружёнными и напали первыми; один направил пистолет на кладовую с женщиной и ребёнком, второй пытался убить Леона. Но цифровая часть дела выглядела так, словно её готовили для следствия. В системах агентов не было сведений о фазовом ключе и за-

казчике — зато сохранился легко обнаруживаемый доступ к сети, следившей за семьёй Мэд. Аренду квартиры провели через цепочку посредников, каждый из которых существовал достаточно долго, чтобы вызвать доверие Леона, и исчез в час нападения. Кто-то не просто свёл семью, Вито и артефакт в одной точке. Кто-то заранее решил, какие улики после этого должны найти.

Необходимую оборону признали после баллистической экспертизы и покадровой реконструкции. Проверку заговора выделили в отдельное дело. Допрос продолжался почти пять часов: рядом находились федеральный защитник и Сана на закрытой связи, а следователь снова и снова запускал записи с разных камер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.